

*К 400-летию казачьих застав
города Томска посвящается*

**Верить и ждать,
или
Три эпохи одного
губернского
города**

Действующие лица

**Воевода Волынский Василий
Васильевич.**

**Новосильцев Михаил
Игнатьевич.**

Кузьма.

Матвей.

Константин.

Ульзат.

Номчи – киргизский князец.

Его жена Ахмарал

Кочербай.

Курукчи.

Талбак.

Князец Басандай.

Князец Лага.

Князец Байбахта.

Городовой атаман.

Рожнёв-старший.

Рожнёва.

Григорий Рожнёв.

Святой Николай Угодник.

Первый казак.

Второй казак.

Старец Фёдор, по легенде –
Император Александр I,
похоронивший вместо себя в
1825

году своего двойника и
ушедший странствовать по
России. Святой

старец Фёдор умер и похоронен
в Томске. Канонизирован
в 1984 г.

Незнакомец.

Конвойный.

Примечание: Святого Николая и
Кузьму; Ульзат и Рожнёву;

Новосильцева, городского
атамана и старца Фёдора;
Талбака и Григория Рожнёва;
Константина, Рожнёва-
старшего и Незнакомца;
Кочебая и конвойного; князца
Басандая и первого казака;
князца Лага и второго казака
могут играть одни и те же
актёры в разных картинах и
актах.

Креститься в первом акте
казаки должны двумя перстами.
Волынский, возможно,
крестится католическим
крестом.

Акт первый

Картина первая

Поляна в лесу на краю
болота. Слышна песня, которую
поёт Матвей. Песня начинается
едва слышно и постепенно
нарастает, но поёт её Матвей
негромко, для себя.

Песня Матвея:

*Появился в Сибири
Славный, крепкий казак,
Славный, крепкий казак
По прозванью Ермак...*

Номчи. Помогите!.. Помогите!..
Помоги...

На поляну поспешно
выходят Кузьма и Матвей,
вооружённые луками и
саблями. В руках Кузьмы
большой глухарь, добыча
охоты. У Матвея два зайца на
поясе.

Кузьма (*тихо*). Ты слышишь – кто-
то кричит.

Матвей (*также тихо*). Показалось.

Кузьма. Я тебе говорю – кричит кто-
то.

Номчи. Помо...могите!.. Тону.

Матвей. Точно, кричит. Совсем
рядом где-то.

Номчи. Помогите!

Оборачиваются на крик.

Матвей. Может, разбойники кого грабят?

Кузьма. Там же болото, откуда разбойникам в трясине взяться?

Номчи. Помогите!.. Чот... Чот... том...

Матвей. Знамо дело, болотина – не торная дорога. Не по-нашему кричит, однако, бедолага. Басурманин, видно.

Кузьма. Ну и что? Он же помощи просит. Беда с ним.

Матвей. А нам какое дело? Беда с ним, не с нами.

Кузьма. Креста на тебе нет, Матвей! Может, душа человечья гибнет понапрасну. Грех не помочь. Ты же христианин.

Матвей. Ну, ладно, ладно, Кузьма! Говори, что хочешь, только святое не трожь. Погодь-ка, я зыркну, что там деется. Не вражья ли это заманка случайно? *(Делает несколько осторожных шагов в кусты, держа саблю в руке.)* Нет, не заманка! Вот он, голубчик наш, за куст дёржится. По грудь его засосала в трясику кикимора болотная. Конец приходит дяденьке.

(Вкладывает саблю в ножны.)

Кузьма *(подходит к Матвею)*. А ну, быстро снимай опояску.

(Матвей послушно разматывает кушак. Кузьма бросает у ног товарища добытого глухаря, лук, колчан, и снимает свой кушак. Громко кричит в сторону болота.)

Подожди, мил человек, щас поможем.

Кузьма, взяв оба кушака, заходит в кусты, на ходу связывая кушаки узлом.

Матвей *(Номчи)*. Ага, мы щас!.. Ну, кидай, Кузьма, быстрей. Кидай кушак, а то он совсем с головой уйдёт в трясику. Чего смотришь? Кидай!

Кузьма. Тебя не спросил. *(Делает на краю кушака петлю.)* Кидай!.. Здесь тебе не коней в табуне

арканить, здесь иная сноровка
нужна.

Матвей (*Номчи*). А ты, утопленник,
чёртов сын, не трусь,
вытащим. Ты только
ручонкой-то хватай конец
опояски. Хватай покрепче!
Понял?

Кузьма. Ну, Господи благослови!
Кузьма мелко крестится и кидает
кушак в болото.

Матвей. Ты смотри, ухватил,
однако, с первого раза!
Молодец, дядя! Ей-богу,
молодец! И ты, Кузьма,
ловкач! Прямо на руку ему
петлю накинул. Ну, чудеса
чудные творятся на свете
божьем: и на охоте с добычей,
и с охоты не с пустыми
руками!

Кузьма. Чего смотришь, давай
помогай!

Матвей. А, ну да, это мы щас!
Кузьма вместе с Матвеем
вытягивает на поляну Номчи.
Номчи мокрый и весь в
болотных водорослях, у него
чудом сохранилась дорогая
сабля на поясе. Номчи явно
измучен борьбой с болотом.

Матвей (*пристально вглядывается в
незнакомца*). Я же говорил –
инородец кричит, а ты не
верил.

Кузьма. Прежде всего это человек, а
уж потом всё остальное.

Матвей. Вера сейчас в человеке
главное, Кузьма, вера! Если
христианин – значит, наш, а
если нет...

Кузьма. Все мы дети Христовы,
только не все знаем это.

Кузьма освобождает руку Номчи от
петли, развязывает кушаки и
отдаёт один кушак Матвею,
вторым опоясывается сам.

Матвей. Жалостливый ты больно,
Кузьма, как я погляжу. А он на
нас глянь как глазами-то
зыркает, точно зверь в клетке.
Помог бы он тебе, окажись ты
на его месте?

Кузьма. Тебя бы в трясины по горло засадить, посмотрел бы я, как ты на людей глядел после этого.

Матвей. Тебя послушать так и... А! *(Машет рукой.)* Ты лучше вот что... Ты на его одежду-то глянь-ка внимательно, а на шаблюку особливо. *(Оглядывается по сторонам.)* Увидел? То-то же! Не простой он человек, ох, не простой!

Кузьма. Ну и что с того?

Матвей. А то! Я вот думаю, чего это он нам на дороге попался? Тонул в болоте, ну и тонул бы себе на здоровье. Нет, кричать стал, шум на всю округу поднял. Чего доброго, вся нечисть таёжная сюда сбежалась над ним потешиться. *(Крестится и опасливо оглядывается.)* *Молится скороговоркой.)* Прости и сохрани нас Господи в бедах наших немереных и защиты от врагов наших!.. А мы с тобой враз тут, вот они мы оба, бери не хочу ещё двоих, нечистая сила.

Кузьма. А ты, конечно, кричать не стал бы, молча тонул бы?

Матвей. Да я не про то хочу сказать.

Кузьма. А про что? Не пойму я что-то тебя, Матвей.

Матвей. А чего тут понимать? Нам бы с тобой, дуракам, по первому крику другим краем по болоту пройти, давно бы у своих были, а то вот вытянули из болота неизвестно кого, то ли щуку, то ли карася. Нехристя, одним словом, не нашего бога, и сиди теперича, жди какой напасти. Только зря болотного духа обидели, верную добычу у него отняли. Ох и не люблю я не простых людей. Ох не люблю!

Кузьма. Да что ты на него озлобился? Не видишь, озяб человек в болоте, надо костёр развести, обогреть, накормить.

Кузьма начинает собирать хворост для костра.

Матвей. Ага, и спать уложить. Всё
как в бабушкиной сказке.

Кузьма. А хотя бы.

Матвей. А не скажешь мне, брат
казак, чего это он в здешних
местах один бродит? И где его
друзи верные, у которых вот
такие же, как у него,
махонькие ножички у
поясочка торчат?

Кузьма. А ты у него самого возьми и
спроси.

Матвей. И спрошу.

Кузьма. Спроси, спроси!

Номчи. Я князец Номчи. Кыргыз.

Матвей. О, сам заговорил, голубчик!

Номчи. Я князец Номчи. Июс мой
река. Летом всегда на Чулым-
реке стою.

Матвей (*Кузьме*). А я что тебе
говорил? «Князец»!.. Ты
слышал, Кузьма, он князец.
Ещё и реки себе присвоил,
утопленник. Да я таких
князцов!..

Матвей хватается за саблю.

Кузьма. Успокойся, Матвей!

Номчи. Кто вы?

Кузьма. Казаки. Идём из
Московской стороны в
Томский городок. Том-туру,
по-вашему.

Матвей. Слышал про такой?

Номчи. Слышал.

Матвей. Далеко он отсюда?

Номчи. Две луны пути на восход
солнца.

Матвей. О, да мы уже совсем дома,
оказывается.

Кузьма. До городка ещё дойти надо.
Кажется, беспокойно здесь,
ежели местные князцы
поодиночке в болоте тонут. Не
проведёшь ли нас к Томскому
городку, князец, коротким и
мирным путём?

Номчи. Нет.

Кузьма. Почему?

Номчи. Потом поймёшь, почему.

Кузьма. Жаль! Мы бы тебе и деньги
дали за службу.

Матвей. Было бы чего жалеть.
Столько времени прошли одни
без провожатого и ни разу в
болото не попали, а тут два

дня пути осталось. Дойдём! А
деньги нам и самим
пригодятся. Да и князцы по-
другому серебро
зарабатывают. Правда, князец
Номчи?

Номчи останавливает Матвея
повелительным жестом руки,
после чего отстёгивает с пояса
саблю в ножнах, Матвей
мгновенно обнажает свою.
Номчи, не обращая на него
внимания, с поклоном передаёт
саблю Кузьме.

Номчи. Твоя.

Кузьма. Зачем?.. Не надо.

Номчи. Надо. Большой обида моя
будет.

Кузьма. Она же дорогих денег
стоит.

Номчи. Жизнь князца Номчи
дороже любой сабля.

Матвей (*Кузьме*). Дают – бери, бьют
– беги, дурень!

Кузьма берёт саблю Номчи и
отстёгивает свою.

Кузьма. Ну, что ж, спаси Бог, ежели
от чистого сердца!.. А это
тебе, князец. Не побрезгуй
казачьим оружием.

Номчи с лёгким поклоном берёт у
Кузьмы саблю в простых
ножнах.

Номчи. Прощай, казаки!

Кузьма. Э, постой, а как же костёр?
Ты же весь мокрый.

Номчи. Моя уходить надо. Прощай!
Слегка склонив голову в поклоне и
приложив руку к груди, Номчи
торопливо уходит.

Кузьма. Благослови тебя Господь,
чужеземец! (*Крестит
уходящего князца.*) Станный
человек этот князец Номчи.
Очень странный.

Матвей. Одно слово – басурманин,
хоть и по-нашему здорово
лопочет!

Кузьма. Басурманин не басурманин,
а человек, видать, добрый.

Матвей. М-да, добрый!
(*Рассматривает подаренную
саблю.*) Все они добрые, пока
спят. Подарок, однако, не
шуточный отвалил!.. Прямо

царский! Эх, и пошто это не я
ему кушак в болото бросил?

Картина вторая

Поляна в лесу. На поляне юрта князя
Номчи. В юрте его молодая
жена Ахмарал.

Талбак (*откуда-то сверху*). Едут!
Едут!

Ахмарал (*выглядывает из юрты*).
Чего кричишь? Всех в
стойбище перепугать хочешь?

Талбак. Так сама же просила
кричать, когда они появятся.

Ахмарал. Просила, но не так
громко. Ладно, слезай, брат, а
то так и просидишь до вечера
на кедре. Сколько их там?

Талбак. Немного, но больше трёх.
На одной моей руке, однако,
всех пальцев не хватит
пересчитать. Вот сколько их.

Ахмарал. А сколько ушло,
помнишь?

Талбак. Помню, сестрёнка. В два
раза больше было. Не
волнуйся, Ахмарал, живой он.
Номчи первым на коне скачет,
я сам видел.

Ахмарал. Хорошо, если так. Зови
бегов, Талбак, скажи, князец
вернулся.

Входят беги.

Кочербай. Не надо никого звать,
Ахмарал. Мы здесь давно.
Доброго здоровья тебе,
Ахмарал!

Курукчи. Счастья и радости,
Ахмарал!

Ахмарал. Изеннер, беги!

Талбак слезает с кедра и убегает в
сторону появившихся
всадников.

Кочербай. Вот уже сколько дней
каждое утро мы ожидаем
возвращения Номчи, сидя
рядом с вашей юртой.

Ахмарал. Я видела это, но не хотела
вас беспокоить. Думала, вы
обсуждаете важные дела.
Проходите в юрту, уважаемые.
Выпейте холодного айрана
или кумыса. Я каждое утро

остужаю их в холодном ручье
и тоже жду Номчи. Он любит
холодный кумыс.

Кочебай. Нет, Ахмарал, мы
встретим Номчи у порога
юрты. Чует моё сердце,
недобрые времена ожидают
нас впереди. Ночью мне
плохой сон приснился. Я
потом до утра не спал.

Ахмарал. Не все сны сбываются.

Кочебай. Не все. Но как больно они
тревожат наше сердце.

Курукчи. Это правда. Не стоит
входить в жилище князца, не
очистив душу от скверны
дурных предчувствий.
Подождём его здесь, Ахмарал.
Слышен топот копыт
нескольких коней, который
сразу же смолкает где-то
невдалеке от поляны.

Кочебай. Много дней не было в
стойбище князца. Много
новостей привезёт он с окраин
наших владений.

Курукчи. Думаю, не все они будут
хорошими. Что-то и мне,
Кочебай, тревожно сегодня.

Ахмарал. Пусть это будут только
ваши несбывшиеся
предчувствия и пустые страхи,
уважаемые беги. Мать-
прародительница Умай-эне не
даст нас в обиду, ведь мы – её
дети.

Входит Номчи, за ним
Талбак. Беги склоняют головы.
Ахмарал бросается к мужу, но
он останавливает её жестом
руки.

Кочебай. Приветствую тебя, Номчи!

Бахтияр. Многих лет тебе, князец!

Ахмарал. Изеннер, Номчи!

Номчи. И вам здоровья, беги!

Ахмарал. Что случилось, Номчи?

Номчи. Джунгары.

Ахмарал. Они идут сюда?

Номчи. Нет. Случайная встреча в
тайге. Их было больше. Они
нас разбили. Я сам едва

спасся. Попал в болото, чуть
не утонул.

Ахмарал. Ты не ранен?

Номчи. Нет. Поговорим потом,
Ахмарал. Потом.

Кочебай. Что с твоими людьми,
Номчи?

Номчи. Все, кто не со мной,
погибли.

Кочебай. И мой сын?

Номчи. И твой сын, бег. Будь
мужчиной, уважаемый
Кочебай, бог Эрлик взял его к
себе раньше тебя, значит, он
ему нужней. И это, к
сожалению, не одна плохая
новость.

Курукчи. Говори все. Мы слушаем
тебя.

Номчи. Что говорить? Новости не
самые лучшие.

Курукчи. Говори всё, ничего не
скрывай.

Номчи. Может, пройдем в юрту?

Курукчи. Думаешь, от этого нам
станет легче? Мы слишком
долго тебя ждали, говори
здесь.

Номчи. Хорошо, беги. Алтын-хан
требует от нас не только дани,
албана, но и полного
подчинения его воле.
Монголам нужны меха, скот и
наши знатные заложники,
аманаты, чтобы они были
уверены в нашей преданности.
Им нужно много наших
людей. Они хотят воевать с
урусами, севшими на торговые
тропы на Томи, поэтому им
нужны воины. Всё больше и
больше воинов. А где их
взять? Где? Джунгары
захватывают наши земли с юга
и требуют ясак мехами и
скотом. И тоже требуют
воинов. Все вокруг нас хотят
войны со всем миром. И все
хотят новых рабов,
кыштымов, новых земель,
новых рек... Теленгиты и
прочие таёжные людишки при
любом удобном случае грабят
и убивают кыргызов по
границам наших владений.

Повсюду нынче беспокойно.
Везде льётся наша кровь. Надо
что-то делать, чтобы выжить,
иначе...

Курукчи. Что ты решил, князец?

Номчи. Я бы хотел вначале
выслушать вас, уважаемые
беги. Таков обычай. Не правда
ли, Кочербай?

Кочербай. Зло не должно остаться
без наказания. Джунгары
должны быть наказаны.

Номчи. Ты хочешь, Кочербай, чтобы
мы отомстили за смерть
твоего сына?

Кочербай. Не только его одного.

Курукчи. Это правильное решение.

Номчи. Я понимаю вас, беги. И,
понимая тебя, уважаемый
Кочербай, твоё личное горе
принимаю как своё. Твой сын
Кошкой был воистину
великим воином, но... Сколько
ещё воинов потребует от нас
дух войны и подземный бог
Эрлик? Сколько ещё отцов и
матерей нашего народа
потеряют своих кормильцев?
Все племена и народы вокруг
нас воюют друг с другом,
словно бешеные псы,
уничтожая и себя, и себе
подобных. Если мы хотим
выжить, то мы должны быть
хитрее всех в этом мире.
Хитрее самого Эрлика.

Кочербай. Ты трусишь, князец?

Номчи. Что ты сказал, старик?

Талбак. Номчи, не слушай его, бег
Кочербай не в своём уме от
горя.

Номчи останавливает Талбака
жестом руки.

Номчи. Я понимаю тебя, Кочербай, и
прощаю твою дерзость. Ты
думаешь, меня не душила
злоба и ненависть к своим
обидчикам? Думаешь, я
спокойно спал ночами,
вспоминая своих погибших
товарищей? Нет. Я никогда не
прощаю тех, кто меня обидел
даже самым маленьким злом
или просто косым взглядом.
Никогда! Но князец не может

думать только о себе. Он
обязан думать о своём народе.
И я о нём думаю. Всегда
думаю.

Курукчи. Я вижу, ты уже всё решил.
Мы покорно ждём твоего
решения, князец.

Номчи. Да, я решил... Я много
думал по дороге домой, беги.
У меня было время остудить
свой гнев и рассуждать здраво,
как и подобает правителю
народа. Нас мало, беги,
слишком мало. Это меня
тревожит больше всего. Я
говорил с шаманом, и шаман
сказал: «Гайга большая, но в
ней не скрыться даже
маленькому зверьку от
опытного охотника». Сегодня
зверьки – мы. Охотники
только ещё идут к нам,
надеясь на лёгкую поживу. Я
хочу быть хитрее и опередить
их. Я подружусь с самым
сильным из них и встану под
его защиту. Я стану его
лучшим другом.

Курукчи. И кто же этот самый
сильный охотник?

Номчи (*берёт в руки казачью саблю*).
Я хочу жить в мире с урусами,
с московским царём. Их
воины давно завоевали Искер
и продвигаются всё дальше и
дальше на восход солнца. Они
победили многих знатных
князцов. И даже самого
всесильного хана Кучума. Нам
не стоит испытывать судьбу и
дразнить воинов Белого царя.
Мы выживем и станем только
сильнее, подружившись с
могучим и богатым
московским владыкой,
которому не нужны наши
воины.

Курукчи. А что же им тогда нужно?

Номчи. Не знаю. Они просто идут
на восход солнца и подчиняют
себе всё новые и новые земли.
И ничто и никто их не может
остановить.

Курукчи. Это странно. Очень
странно. Должна же быть у
них какая-то конечная цель.

Номчи. Должна, но я её не знаю. И
никто этого не знает.
Возможно, это их самая
большая тайна, разгадать
которую пока нам не дано.

Курукчи. Хорошо. Оставим тайны
урусов самим урусам. Идут
они на восход солнца – и
пусть идут. Чингисхан тоже
шёл на закат светила – и где
он теперь? Где его войско?

Номчи. Ты забыл про
родственников покойного
Кучума и Алтын-ханов.

Курукчи. Вот про них-то я как раз и
помню. Пусть мы подружимся
с урусами, а что скажут на это
бухарцы и монголы, всё ещё
могучие наследники Чингиза?
Да и джунгарам это вряд ли
понравится.

Номчи. Что бы они ни сказали мне,
кыргызскому князю Номчи,
они будут говорить это
урусам. И пусть тогда
московский царь, мой новый
будущий друг, ответит им за
меня. А мы за это будем
платить ему хорошую дань
мехами, золотом и скотом, но
не людьми. Не нашими
воинами. Наши сыновья не
будут больше умирать на поле
брани за чужого владыку. Мы
будем мирно пасти свои отары
овец и табуны лошадей,
богатеть, пить кумыс и есть
бешбармак под надёжной
защитой урусов. А в
праздники будем устраивать
скачки на лошадях. И все у нас
будут счастливы, от
младенцев до стариков. И
счастье навсегда придёт в
наши юрты.

Курукчи. Мы верим тебе, Номчи.

Кочербай. Пусть будет так.

Курукчи. Мы согласны.

Номчи. Я так и думал. Спасибо вам,
беги. Решено: зимой пошлём
посольство к урусам в Том-
туру, в их новую крепость.

Там сидит главный слуга
Белого царя – воевода
Волынский. С ним и будем
договариваться о дружбе с
московским владыкой.

Курукчи. И кто же будет нашим
послом?

Номчи. Послом?.. Послом будет мой
самый дорогой и верный
слуга. Имя его я скажу завтра.
А сейчас я хочу остаться один.
Я устал, я хочу отдохнуть и
хорошо обо всём подумать
уже в своей юрте. И ещё...
Приказываю вам, беги, от
моего имени приготовить всё
для поминального ужина. Мы
не должны забывать о душах
погибших воинов. Они отдали
за нас самое дорогое, что у
них было, – жизнь. И мы
должны отблагодарить их за
это здесь, на земле, чтобы им
было хорошо под землёй. Но
это завтра, завтра. Я всё
сказал. Изен бол, беги!

Кочебай. Изен бол, Номчи!

Курукчи. Изен бол, князец!

Беги и Талбак, поклонившись, уходят.
С Номчи остаётся только жена
Ахмарал. Номчи подходит к
ней.

Номчи. К урусам поедешь ты,
Ахмарал.

Ахмарал. Что?

Номчи. К урусам поедешь ты.

Ахмарал. Почему я?

Номчи. Такую красивую, как ты,
нельзя не любить. Тебе нельзя
отказать в любой просьбе. Ты
самое дорогое, что есть у
меня. И они это поймут,
увидев твоё лицо, твои
прекрасные глаза... *(Целует
её)*. Ты привезёшь урусам
богатые дары, и мы станем их
самыми верными и первыми
друзьями. И всё у нас будет
хорошо. И мы действительно
будем счастливы. Ты поедешь
к ним, мой белый оленёнок?
Поедешь? *(Целует её)*. Ради
меня, ради всех нас.

Ахмарал. Да. Я поеду к урусам.
Пойдём в юрту, Номчи, я

приготовила тебе холодный
кумыс. И я соскучилась без
тебя.

Ахмарал и Немчи, обнявшись, уходят
в юрту.

Картина третья

Волынский ходит по
комнате, пытаюсь согреться.
Новосильцев что-то мастерит на
столе, работая ножом над
деревянной чуркой.

Волынский (*кутается в овчинный
полушубок*). Господи, как же
здесь холодно!

Новосильцев. Север, батюшка,
север. Чего хотите? Это же
Гиперборея, страна вечного
холода и мрака. Ещё древние
философы страшали ею свои
народы.

Волынский. Будь она проклята, эта
ваша Гиперборея! И она, и
философы, её выдумавшие.

Новосильцев. Почему же она моя?
Теперь она наша, общая.
Подумай, воевода, чем наша
любимая Расея лучше?
Морозы и там немалые. В
Крещенье воробьи на лету в
Москве замерзают. Сам видел.

Волынский. Тоже мне сравнил! Там
хоть всё своё, родное. Захотел
– баньку истопил, захотел –
ещё что-нибудь сотворил: в
Кремль съездил – там всегда
занятно, и есть что на ус
намотать; к знакомым боярам
на именины или на похороны
сходил. Поболтал о том, о сём,
в церковь вечером заглянул, а
там ещё кого встретил из
нужных людишек... Глядишь,
и вечер сам собою прошёл как
бы за пустыми разговорами, и
в кармане денежка
зашевелилась вроде бы
невзначай.

Новосильцев. А здесь кто тебе
мешает чего-то хотеть? Баня
во дворе, медовуха в кадучке,
ковши на столе. Чего ещё-то
надо? Церковь – вон она, в
двух шагах. Сходи, помолись

святым иконам, свечку
поставь, отведи душу.
Поговори вечерком с Богом о
вечном, подумай о суетном.

Волынский. Эх!.. Темнота ты
стрелецкая, сотник! Душа
горит. Понимаешь, душа! Там,
в Москве, такие сейчас дела
умные люди делают. Такие
богатства и должности
думские дьяки к рукам
прибирают!.. Дух захватывает!
А над всем этим стоит сам
Борис. Царь Борис!.. Борис
Годунов. Умнейшая голова!
Великий человек! Всё в своей
властной руке держит. Всё!

Новосильцев. Великими бывают
только богатыри в сказках, а
опричник – он и есть
опричник. Чего от него
ожидать простому человеку?
Только одни пакости и смуту.

Волынский. А-а!.. Не понимаешь ты
ничего. Не понимаешь! Здесь
государево дело. Государево!

Новосильцев. Да уж куда мне,
сиволапому! Мы в такие
придворные игры играть не
обучены. Нам бы что
попроще: пику в руки да,
благословясь, вора и татя к
городским воротам ею
припечатать, чтобы все видели
и страшились делать
пакостное и мерзкое пред
людьми и Богом.

Волынский. Дурак ты, однако, паря.
Ну полный дурак!
Распускаешь язык почём зря, а
ведь за это и на дыбу можно
взлететь. Вот за что вас,
казаков да стрельцов, бояре и
не жалуют: за язык ваш
поганый и нрав необузданный.

Новосильцев. Хоть полный дурак,
хоть тощий, а вором я никогда
не был и не буду.

Волынский. Что? Значит, я вор? Я,
столбовой дворянин?

Новосильцев. Мысли у тебя
нехорошие, воевода. Думаешь
ты не по-божески, а по-
человечески, потому, стало
быть, лукаво и грешно.

Богопротивно, по-мирски. Ты
давно исповедался?

Волынский. Кому исповедоваться?

Кузьме, что ли?

Новосильцев. Хотя бы ему.

Волынский. Ну-ну!.. *(Кричит.)* Эй,
Кузьма!

Входит Кузьма.

Кузьма. Слушаю тебя, воевода.

Волынский. Ну что, раб божий,
казак Кузьма, исповедь от
многогрешного воеводы пред
святой иконой примешь?

Кузьма. Нет, не приму. Не по чину
мне это, воевода.

Волынский *(Новосильцеву)*. Вот,
видишь, Михал Игнатич, не
примет от меня исповеди
простой православный
христианин, даже самый
верующий из нас. Не по чину
ему это. Не по чину... А где
же наш настоящий батюшка,
рукоположенный в самой
Первопрестольной? Убит в
бою с инородцами-
язычниками, не пожалев ради
веры Христовой живота
своего. Убит, как простой
казак или стрелец, а не слуга
Господний, пришедший в этот
варварский край с важнейшей
целью – распространения веры
христианской и отпущения
грехов нам, грешным. И
деяние сие ставит меня в
тупик: в чём же здесь
промысел Божий? Почему
должны умирать
достойнейшие, а чернь жить?
И что мне грешному теперь
делать без настоящего
священника? Как жить без
покаяния в этой снежной
пустыне среди дикарей?
Самому дичать вместе с ними?

Кузьма. Грешить не надо, тогда и
исповедь не понадобится.

Волынский. Что?

Кузьма. По делам вашим судить
буду, говорил Иисус Христос.

Волынский. Что ты сказал, Кузьма?
Кто нас судить будет?

Кузьма. Никто тебя здесь судить не
будет, воевода. Это я так,

вспоминаю прочитанное в
священных книгах о помыслах
Господних.

Волынский. В священных книгах,
говоришь?

Кузьма. В них самых.

Волынский. То-то же! Смотри у
меня, Кузьма! Не погляжу, что
ты вольный казак и почти поп.
Язык распускать никому не
позволю.

Кузьма. Язык дан нам Всевышним.
Грешно посягать на тебе не
принадлежащее.

Волынский. Как ты сказал? Как?
Новосильцев (*предостерегающе*).
Кузьма!

Кузьма. Бог в душе у каждого, но не
каждый его слышит в себе. Не
каждому это дано.

Волынский. Тебе, значит, дано, а
мне, выходит, нет? Так, что
ли?

Тревожно звучит колокол и
стремительно входит Матвей.

Новосильцев. Что случилось,
Матвей?

Матвей. Там кыргызцы у ворот.
Посольство от князца Номчи
прибыло.

Волынский. Что ещё за посольство?
Что за князец?

Матвей. Обыкновенный кыргызский
князец. Так себе человек!..
Мы с Кузьмой его по осени в
тайге встретили, когда сюда
шли. Летнее стойбище у него
было на реке Чулым, в
половине месяца пути отсюда,
совсем недалеко по местным
понятиям.

Волынский. Чего им надо?

Матвей. Говорят, нужно с самим
воеводой Писемским
разговоры разговаривать.
Приказ им такой от князца
вышел.

Волынский. Переговорщики,
говоришь?

Матвей. Послами они себя
называют.

Волынский. Переговорщики. До
послов у них нос ещё не

дорос. *(Смеётся.)* Ну что ж,
зови! Будем с ними, с
курносыми, важные разговоры
разговаривать. *(Матвей
уходит.)* Кыргызятины ещё
только здесь не хватало! Тьфу!

Новосильцев. Вот оно и новое
развлечение под вечер, новые
дела, новые люди.

Волынский. Какие это люди?
Дикари, варвары! Как
подумаю, что годы с ними
рядом жить придётся, дрожь
берёт. *(Кузьме.)* А с тобой,
шибко верующий и читающий
казак, мы ещё поговорим о
божественном. Потом
поговорим.

Входит Ахмарал с бегами.
Беги с поклоном выносят на
середину комнаты связки
шкурот соболей, лисиц и
росомах. Волынский удивлённо
и одновременно жадно
осматривает богатое
подношение. Трясёт шкурки,
мнёт их руками.

Ахмарал. Здравствуй, воевода! Я
княгиня Ахмарал, жена князца
Номчи. Мой муж в знак мира
и дружбы шлёт подарки
Белому русскому царю Борису
и просит его принять наш
маленький народ под свою
руку.

Волынский. Так это всё царю...
Борису. А где же мне
подарки?

Ахмарал. Талбак!

Входит Талбак, и на
золотом блюде приносит горку
золотого песка и несколько
необработанных драгоценных
камней. Блюдо ставит у ног
Волынского.

Волынский. И это всё?

Ахмарал. Разве этого мало?

Волынский. Откуда ты так хорошо
знаешь наш язык?

Ахмарал. Я родилась далеко от этих
мест, там, где заходит солнце.

В степи. Меня и брата
воспитывала русская
полонянка.

Волынский. Рабыня?

Ахмарал. Полонянка. Она была нам
как мать.

Волынский. Допустим. И что
дальше?

Ахмарал. Рядом с нами жило
слишком много врагов. Теперь
я жена князца Номчи. И я
пришла говорить о мире и
дружбе между нами.

Волынский. О мире между нами?..

Хм!.. А ты красивая.

*(Подходит к Ахмарал и нагло
осматривает её.)* Говорят,
местные инородцы
предлагают гостю свою жену
на ночь. Я не прочь переспать
с тобой, косоглазенькая. В
знак дружбы.

Новосильцев. Воевода, будьте
благоразумны, она посол.

Ахмарал *(в ярости)*. Благодарите
Бога, что вы не у меня в
гостях, Волынский. А если бы
были в гостях...

Волынский. То что было бы?

Кузьма. Воевода, побойтесь Бога,
она женщина!

Ахмарал впервые смотрит на Кузьму
и видит у него саблю мужа.

Ахмарал. Кузьма?

Кузьма. Кузьма. А ты откуда
знаешь, кто я?

Ахмарал. Номчи сказал. Это его
сабля. Я узнала... *(Быстро
снимает с себя золотое
украшение и протягивает
Кузьме.)* Это твоей жене. От
меня. *(Кузьма пытается что-
то возразить.)* Нет, нет,
молчи! Я так давно решила.

Кузьма. У меня нет жены.

Ахмарал. Тогда для невесты.

Кузьма. Нет у меня невесты. Я хочу
уйти в монахи.

Волынский выхватывает украшение
из рук Ахмарал.

Волынский. Занятная вещица.

Редкостной работы.

Кузьма. Воевода!

Волынский. Молчать! *(Кузьма нехотя отступает. Воевода нагло ощупывает шубу Ахмарал.)* Прекрасный мех! Соболя, пожалуй, даже лучше, чем в подарках царю. Себя выше государя ставите, зверушки лесные? Ну-ка, снимай шубу, красавица.

Ахмарал. Что?

Волынский. Шубу снимай, говорю.

Волынский пытается сорвать шубу с Ахмарал. В это время Талбак бросается на воеводу.

Талбак. Не трожь! Я убью тебя, тать! Убью!

Завязывается драка, в которую включаются все, кроме Кузьмы и бегов, молча наблюдающих за потасовкой. В итоге шуба остаётся в руках Волынского, а Талбака и Ахмарал держат за руки Новосильцев и Матвей.

Кузьма. Не надо было этого делать, воевода. Ох не надо было!

Волынский. Тебя не спросил, монах! *(Новосильцеву и Матвею.)* Чего смотрите? Гоните их в шею!

Ахмарал. Ну, воевода, даром тебе это не пройдёт. Клянусь богом Тэнгри!

Волынский. Я очень испугался. *(Талбаку.)* А ты, зверёныш, ты лучше мне больше не попадайся. Убью! Понял?

Талбак. Я тебе этого никогда не прощу. Никогда! Запомни это, Волынский!

Матвей и Новосильцев уводят посольство, по дороге Ахмарал плюёт в сторону Волынского. Вслед за ними уходит и Кузьма. Довольный воевода осматривает шубу.

Входит Новосильцев и молча
проходит на своё место у стола.

Волынский. Ну, вот, теперь и у нас –
совсем как в столице:
немножко поговорили кое с
кем на ночь глядя, а в кармане,
между тем, заметно
прибавилось.

Новосильцев. Смотря у кого.

Волынский. Не надо, Миша, быть
простофилями, а то нищими
отсюда в Москву вернёмся.

Новосильцев. Если вернёмся.

Волынский. Вернёмся. Я этим
косоглазым все кишки
напрочь вымотаю, но своего
добьюсь.

Новосильцев. Какой ценой,
воевода? И что скажут о нас
те, кто придёт после нас? О
тебе, обо мне? О казаках и о
стрельцах?

Волынский. Мне плевать, что кто-то
где-то что-то скажет про меня
через пять, десять, а тем паче –
через сто лет. Плевать! А
цена... Цену всему, в том
числе и самим себе, мы
назначаем сами. Сами! Сейчас
и сегодня. На Руси нынче
времена смутные наступили,
неспокойно в Москве-
матушке. Что в Кремле
дальше будет – никто не знает,
а мы здесь, в тайге, далеки от
великих государевых дел, нам
не до них, нам бы свои
махонькие делишки справить:
на будущее себе и своим
семьям прокорм добыть.
Семья-то у меня, сам знаешь,
не маленькая, да и тебе,
насколько я помню, есть о ком
на Руси позаботиться.

*(Вытаскивает из общей кучи
несколько соболей и кидает их
на стол Новосильцеву.)*

Передай это Кузьме для
церкви. Скажи, пусть за меня
и за моё здравие молебен
отслужит. Простит меня
Господь Бог за грехи мои
великие – ещё дары принесу.

Новосильцев. А если не простит?

Волынский. Простит, он же добрый.

Даже добренький.

Новосильцев. А просто так, от
чистого сердца, не можешь
что-то отдать Богу?

Волынский. Нет, не могу.

Новосильцев. Почему?

Волынский. Потому что я не
Кузьма, я жизнь люблю. Нашу
обыкновенную земную жизнь,
а не монашескую келью и
загробное небытие, понял?

Новосильцев. Ну-ну!.. М-да!.. Вот
наконец-то и у нас свой дикий
хозяин тайги объявился. Всё
как у нормальных русских
людей. Верно я говорю,
воевода?

Волынский. Ты это про кого,
стрелец?

Новосильцев ставит фигурку медведя
на стол.

Новосильцев. Это я про него, про
медведя.

Волынский. Про медведя,
говоришь?

Новосильцев. А про кого же ещё?

Волынский. Смотри у меня,
Новосильцев, ой смотри! У
нас здесь кругом тайга, а
хозяин в ней, и правда,
медведь. Понимаешь?

Новосильцев. Понимаю. Чего ж не
понять? Вот только не знаю,
куда фигурку пристроить: то
ли на божничку поставить, то
ли сразу в печь бросить?

Волынский лихо набрасывает на
плечи шубу Ахмарал и с
удовольствием бренчит
золотым украшением.

Волынский. Поставь медведя у
воротной башни. Пусть все
ходят, смотрят, и думают, как
жить в Сибири, и разумеют,
кто здесь настоящий хозяин.
Эх, жаль, Иоанна Васильевича
уже нет в живых, царство
небесное великому государю,
а то бы показал я вам, каким
должен быть настоящий
государев слуга в диком краю.
Ох показал!

Картина четвёртая

Раннее утро. Дом в крепости Томска. Из дома едва слышится песня Матвея:

– Ну, ребята, за работу!

Челноки спускайте в воду,

Забивайте кочета,

Закладайте весельца...

У порога избы неожиданно встречаются Константин и Ульзат. В руках Ульзат небольшой туесок из бересты.

Константин. Стой! Ты кто?

Ульзат. Я?

Константин. Ты.

Ульзат. Я Ульзат.

Константин. Ульзат?

Ульзат. Ульзат.

Константин. Ульзат...

Удивительное имя. И откуда ты такая взялась, Ульзат?

Ульзат. Какая – такая?

Константин. Красивая.

Ульзат. Там. (*Машет рукой куда-то в сторону.*) Я там живу.

Константин. Там. Ишь ты! А сюда с кем пришла-приехала, и зачем? А ну, отвечай быстро и незамедлительно.

Ульзат. Не понимай тебя.

Константин. Не понимаешь? М-да!..

Уж не вражеский ли ты лазутчик, красавица? Надо бы тебя хорошенько... К-хм, кхм!.. обыскать. И-эх!

Пытается обнять Ульзат и неожиданно целует её в щёку.

Ульзат. Ой! Не надо, однако.

В дом идёт Кузьма.

Кузьма. Ну чего пристал к туземке?

Чего руки распускаешь? Не знаешь разве, что она под горой живёт?

Константин. Нет, не знаю. (*Держит девушку за руку.*) Первый раз её вижу. Ей-богу, первый.

Кузьма. Увидит тебя с ней её отец – будет последний. За солью она

к нам пришла, не видишь –
туесок в руке. Отстань от неё,
худо будет.

Константин. Подумаешь, испугал
казака татаринком. Больно
девка красивая, грех не обнять
черноглазенькую.

Кузьма. Понравилась – женись.

Константин. А что, можно?

Кузьма. Дурак! Когда любят, разве
спрашивают об этом?

Константин. И правда, что это я?

Кузьма заходит в дом.

Константин (*Ульзат*). Замуж за
меня пойдёшь?

Ульзат. Как это – замуж?

Константин. Как-как? Как все.

Нэгэ... Свадьба... Понимаешь,
нэгэ хочу с тобой.

Ульзат. Нэгэ? Свадьба. Как все?

Константин. Ну, да! Как все. Жить
со мной хочешь в одном доме?

В юрте, по-вашему.

Ульзат. Хочешь.

Константин. Правда?

Ульзат. Правда. Ты красивый. Ты
сильный.

Константин. Ну скажешь тоже.

(*Отпускает руку Ульзат*).

Ульзат Я ушёл. Мне нельзя долго в
крепости быть.

Константин. А где ты живёшь,

Ульзат?

Ульзат. Там! (*Показывает рукой.*)

Константин. Я это уже слышал.

Давай провожу тебя.

Ульзат. Нет. Отец ругаться будет,
однако. Я сам тебя найду. Я
знаю, кто ты.

Ульзат быстро убегает.

Константин. Вот девка так девка!

Сама она меня найдёт. Ну
чертовка!

Заходит в избу.

Картина пятая

В избе Матвей, напевая песню, латает
рванный полушубок.

Константин. Здорово, Матвей! Всё
поёшь?

Матвей. Здорово, брат! Пою, а что
делать? Жить надо весело, а
работать с огоньком.

Константин. На смену тебе давно
пора. Я свою уже отстоял.

Константин снимает с себя верхнюю
одежду, саблю, валенки, и
ложится на лежак.

Матвей. Подлатаю немного
шубейку – и пойду. Слышал,
Кистинтин, что наш воевода
вчера учинил?

Константин. Слышал.

Матвей. Ну и что про это мыслишь?

Константин. А что тут мыслить?
(Тихо.) Одно слово –
пакостник. Жди теперича от
кыргызов набега. Татары у
воротной башни только про
это и курлычат. Номчи этого
так не оставит. Говорят, он
свою бабу шибко любит, не
простит такого унижения.

Матвей. Баб все любят.

Константин. Нашему воеводе,
видать, и баба уже не нужна.
Золотишком и мягкой
рухлядью дьявол глаза застит.

Матвей. Он, поди, уже давно и
забыл, какая она на ошупь-то
есть – баба.

Константин. Будто ты помнишь.

Матвей. Я-то помню, и ещё кое-что
могу, а вот ему, видно, одна
радость в жизни осталась:
соболью шкурку гладить
вместо женской прелести.

Константин. Это точно! *(Садится
на лежаке.)* Знаешь, Матвей, я
тут намерил одну татарочку
приметил... У неё это... Есть
что погладить. Ага! И глаза...
Такие глаза. Ну не глаза, а
просто глазищи!

Матвей. И что?

Константин. Что-что! Думаю к её
родителям пойти.

Матвей. Свататься, что ли?

Константин. А что с того? Девка она
справная, хозяйкой в доме
будет.

Матвей. Так она же язычница,
басурманка.

Константин. Думаешь, не разрешат?

Матвей. Думаю, нет.

Константин. И что тогда делать? Я
же всё хотел по-хорошему.

Матвей. А ты хоть с девкой-то
говорил про сватовство?

Константин. Так... Скорее на
пальцах.

Матвей. Щупал, что ли?

Константин. Ну не без того.

Матвей. Ох ты шельма! Наш
пострел везде поспел! Ну и
как?

Константин. А ничё! Всё как у всех.

Из соседней комнаты выходит
Кузьма.

Матвей. Слушай, Кузьма, вот
Кистинтин жениться хочет на
татарочке. Как думаешь, это
можно – ему на язычнице?

Кузьма. Нет. Пусть девка вначале в
православие переходит, тогда
можно.

Константин. А если родители не
согласятся?

Кузьма. Я всё сказал.

Кузьма уходит из дома.

Матвей. Я всё сказал, я всё сказал!..
Ещё не священник, а уже нос
задирает. М-да! Вот тебе и
свадьба. Ну, Кистинтин, ты не
горюй, как-нибудь всё
уладится.

Константин. А я и не горюю. Я всё
равно женюсь. Я что задумал,
то всегда делаю. Детишек
хочу завести прямо до ужаса.
Дом срубить. В настоящей
семье пожить, чтобы всё как
раньше у нас было, у тятеньки
с маменькой.

Матвей. Ты слышал, что Кузьма
сказал?

Константин. Да слышал, слышал.
Только если не разрешат, я и
без их разрешения женюсь. Я
вольный казак, сам себе
голова.

Матвей. Ну и дурак! Сам пропадёшь
и весь свой будущий род
погубишь до седьмого колена.
Давай лучше без греха решим
это дело, пойдём к твоей
невесте и погутаим с её
родителями. Не враги же они
своей дочке. Должны понять,
что ты с чистым сердцем к
ним.

Константин. Так-то оно так, да кто их знает, инородцев, что у них на уме?

Матвей. Слухай, брат!.. Ты у нас не последний в сотне, мы тебе за дела твои прошлые по кругу между казаками махом хороший калым за девку соберём. Махом! Инородцы, говорят, за денежки любую бабу с радостью отдадут первому встречному. А какой ты первый встречный? Ты же у нас герой! Казак! Я у тебя дружкой на свадьбе буду, а стрелецкий сотник посажёным отцом. Крёстного твоей татарочке найдём истинно верующего, из казаков, что постарше возрастом. Кузьма быстро невесту окрестит. Это-то ему, надеюсь, позволено церковью делать? Только нос не вешай, Кистинтин, не вешай! Всё будет хорошо.

Константин. Страшно, однако, Матвей, страшно. А вдруг откажут?

Матвей. Было бы чего страшиться! Раз откажут – а мы второй раз, и в третий пойдём. Возьмём и эту крепость, не такие брали. Волков бояться – сам знаешь, что бывает. Ну, ты чего скис-то? Чего нос повесил?

Константин. Отстань! Волнительно как-то всё это. Непривычно.

Матвей. Ну нет! Так нельзя. Уныние, знаешь ли, самый большой грех у казаков считается. А ну, давай-ка, пошли, братка! *(Надевает полушубок.)*

Константин. Куда это?

Матвей. Так я же говорю – к родителям невесты. А вечером, в случае чего, и свадьбу сыграем.

Константин. Что, прямо сегодня и свадьба?

Матвей. А чего тянуть? Однова живём. Я по праздникам давно соскучился. Устроим пир горой, чтобы всем вокруг весело было.

Константин. Так-то оно так, да как-то не по-нашенски получается. И сватовство, и крестины, и свадьба в один день.

Матвей. А как по-нашенски? Ждать, когда голова с плеч покатится?

Константин. Уж больно ты нетерпелив, Матвей.

Матвей. Сколько же терпеть можно? Я и сам, на тебя глядя, какую-нибудь черноглазенькую на свадьбе приголублю. Прямо назавтра же с ней и сговоримся. И ещё день пить-гулять будем. Чего терпеть-то, правда?

Константин. Ладно, уговорил. Пошли. Рискнём. *(Надевает валенки.)*

Входит Кузьма.

Кузьма. Куда это вы собрались, баламуты? Татары идут к крепости.

Матвей. Татары? Вот тебе и погуляли. А ты говоришь, куда торопиться!

Быстро берут сабли, луки и пищали.

Константин. Первый раз, что ли?

Тревожно бьёт колокол.

Матвей. Первый не первый, а помирать всё равно не хочется. Пожить бы ещё хоть чуток, казачат на руках понянчить. Жинку пообнимать... *(Кузьме.)* Много их, басурман?

Кузьма. Нам с тобой хватит. Кузьма берёт с божницы икону Святого Николая.

Константин. Откуда, чьи будут, не знаешь?

Кузьма. Кажись, енисейские. Не наши.

Константин. Слава тебе Господи! *(Крестится.)*

Кузьма. Ты чего это?

Матвей. Радуется, что не его будущие родственники напали.

Кузьма. Будем с татарских жён
шубы срывать – так, неровён
час, и наши мурзы
взбунтуются. Пошли, казаки,
благословясь, на стену! Жарко
сегодня на морозе будет.

Константин. Надо бы подгоренских
татар в крепость пустить, а то,
неровён час, свои же их и
порешат.

Кузьма. Уже впустили. Сами
прибежали. В чём были, в том
и пришли. Их мужики уже на
стены полезли, а бабы на
площади собрались с детьми.
Вместе от пришлых
отбиваться будем.

Казаки, крестясь и нашёптывая
молитвы, уходят. Слышны
выстрелы пушек, звон
колоколов и возбуждённые
голоса сражающихся.

Картина шестая

Юрта князца Номчи. В
юрте князец Басандай, князец
Лага, князец Байбахта и сам
Номчи.

Номчи. Что принесли нам урусы?
Только новые дани, больший
ясак, чем албан у джунгар и
монголов, и гибель наших
воинов. Что мы можем, и что
должны делать? Только
бороться с ними. Их мало.
Очень мало. А у нас
поддержка Алтын-хана,
джунгарского хун-тайджи, и
даже далёкой Бухары. У нас
китайцы с нами. Они тоже не
хотят урусов на нашей земле.
Наконец, наши шаманы с
нами, им не нужны христиане
в Сибири. Пока казаков здесь
ещё немного, пока они слабы,
мы должны уничтожить всех
урусов и жить, как жили
прежде: свободно, никому не
подчиняясь.

Басандай. Помнится, ты раньше
говорил совсем другое,
князец.

Номчи. Раньше и мы с тобой, князец
Басандай, были молодыми и
сильными. А сейчас посмотри

на себя в зеркало – кто ты?
Река жизни течёт быстро, но
по-разному в тайге и среди
скалистых гор, умей и ты
приспосабливаться к её
течению в разных местах.

Басандай. Мы сами встали под руку
московского царя. Джунгары
нам не нужны, и Китай не для
нас. Урусы во многом нас
устраивают. Татары не любят
только урусских князей...
Жадные они очень, воеводы
урусов. Мои татары против
казаков не пойдут.

Номчи. А ты объясни им, что урусы
пришли, чтобы завоевать и
покорить их своей воле,
забрать их добро, надругаться
над их верованиями,
обесчестить их жён.

Басандай. Все знают – казаки
женятся на наших девушках и
берут их к себе в дом
хозяйками. И женщины
довольны этим.

Лага. Они их крестят.

Басандай. Ну и что? В юрте может
жить только один бог. Бог её
хозяина. Я и сам бы на месте
казаков так же делал.

Байбахта. Не много ли наших
женщин сами уходят к
урусам?

Басандай. Думаешь, было бы лучше,
если бы они их у нас
воровали?

Байбахта. Но они уходят от нас. Они
уходят к урусам и приходят к
Христу. Их дети уже никогда
не вернуться в нашу веру.
Никогда. Надо этому
положить предел.

Басандай. Но они всё равно
остаются татарами,
калмыками и кыргызами. Это
видно даже по их обличью.
Князец Байбахта! Они люди
нашей крови, нашей!

Байбахта. Всего лишь наполовину.
А дети этих детей будут уже
полностью урусам. И они
знать ничего не будут о нас с
вами и о наших богах.

Басандай. Бухара несёт нам ислам,
монголы – Будду, урусы –
православие. Приходится
выбирать сторону сильного.

Лага. Который нас в конце концов
всех сделает урусами.

Басандай. А где наша исконная
вера? Где наши великие
шаманы, всё знающие наперёд
и всё умеющие, потому что
напрямую общаются с духами
наших предков и нашими
богами?

Номчи. Будто ты не знаешь, что
шаманы больше смотрят не на
небо, а в карман пришедшего
к ним. Кто больше золота им
даст, тот и услышит от них
нужное ему.

Басандай. И всё же почему татары
засматриваются на
чужеземного Христа? Почему
казаки не поклоняются нашим
богам? Почему они
равнодушны к ним и к нашей
вере?

Байбахта. Ты это у них спроси.

Басандай. Вас, калмыков, бухарцы
тоже хотят насильно
подчинить Магомету. Ваш
Будда им не нужен, как и
наши шаманы, но вы же с
ними дружите.

Байбахта. А урусам наш Будда
нужен?

Басандай. А урусы крестят только
своих жён. Наша вера их не
интересует.

Номчи. Это пока. Придёт время –
они станут сильнее, вот тогда
и они захотят видеть всех нас
христианами. Недаром они в
каждом своём селении по
церквушке ставят.

Лага. Лучше умереть, чем принять
иную веру. Нельзя изменять
вере отцов. Духи предков нам
этого не простят.

Номчи. А если это вера братьев по
крови? Сильных и могучих,
способных противостоять
урусам?

Байбахта. Ты о бухарцах или о
джунгарцах?

Номчи. И о тех, и о других.

Басандай. Тебе, князец Номчи, легко говорить об иной вере, твоя жена уже была рождена мусульманкой, и вряд ли забыла своего Магомета, живя с тобой и молясь нашим богам. И христианкой она не захочет быть, потому что её оскорбил христианин. А как быть с нашими жёнами? Они все хотят быть только одной женой у мужчины. Им не нравится жить в юрте, где кроме них будет ещё двадцать любимых женщин её мужа.

Номчи. Дело не в жёнах и не в богах, а в нашем будущем. И думать о нём должны мы: князцы и мурзы, баи, беги и ханы. Все, у кого есть хоть несколько человек подневольных людишек, мы все должны думать, что делать дальше. Москва не всегда будет сильной. Придёт и её пора валяться в пыли.

Басандай. Я немного слышал об этом Христе, их главном боге и пророке. Может, он кого-то из нас и не устраивает, но если уруссы так сильны, то не он ли им помогает?

Номчи. Христос силён только там, в их стране. Наши боги сильнее, потому что они на своей земле.

Басандай. Хотелось бы верить в это.

Номчи. А ты верь, князец, верь!

Басандай. Всё равно нас мало.

Казаки разбили великие войска ханов в стране вечного холода и везде построили крепости. У них пушки, пищали... За ними великая страна. Они храбрые воины, а мы разрозненны. Скажите мне, уважаемые князцы, как и чем можно объединить вечно враждующих друг с другом – тувинцев с алтайцами, кыргызов с хакасами, тофаларов с ногайцами, даже зуштинских татар с крымскими и казанскими татарами? Я этого, увы, не

знаю. Здесь одной ненависти
князца Номчи к урусам мало.
Как объединить в единое
целое совсем необъединяемое?
Как и чем?

Номчи. Не то говоришь, князец, не
то!

Басандай. Может, и не то... *(После
паузы, глубоко вздохнув.)* Ну,
кто, кроме нас, ещё готов
выступить против урусов?

Лага. Я переговорю с князцом
теленгитов.

Басандай. Они первыми
добровольно подчинились
урусам. Вряд ли тебе, князец
Лага, удастся их уговорить
нарушить клятву верности.

Лага. Я им скажу, что в крепости
Том-туры лежат тьмы и тьмы
шкурок соболей, белок и
росомах. Скажу, что целые
горы золотого песка и
россыпи самоцветных камней
собрал у себя в сундуке
воевода Волынский для
московского царя. И всё это
лежит у него в подвале
крепости. И это всё может
быть добычей теленгитов,
если они будут с нами.

Басандай. И всё равно нас мало.

Номчи. Что ты заладил – нас мало,
нас мало! Казаков в крепости
всего двести шестьдесят
человек. Две сотни. А нас
сколько? Ты посчитай! Нас
тысячи. Тысячи!

Басандай. Мне надо подумать и
посоветоваться со
старейшинами родов. Ты
знаешь, Номчи, наши обычаи.

Номчи. Думай, князец, думай!
Только быстрее думай, а то
поздно будет. Великие ханы
не любят опаздывающих на
праздничный обед. Им просто
рубят головы на пороге
дворцов.

Картина седьмая

Томск. Воротная башня.

В крепость пытаются пройти
Талбак и Кочебай. У Кочебая на
глазах чёрная повязка. На

башне стражником стоит

Матвей.

Матвей. Э, постой-ка, пострел,
постой! Кажется, я тебя знаю.

Талбак. И я тебя знаю, казак. Это
ведь ты выгнал меня прошлый
раз из крепости?

Матвей. Я. Отличная у тебя память,
кыргызёнок. Вот и хорошо,
что снова встретились. Очень
хорошо! А это кто с тобой?

Талбак. Бег Кочербай. Уважаемый
человек у кыргызов.

Матвей. Даже так? А почему у него
повязка на глазах?

Талбак. Старик слеп. У него недавно
убили сына, и он ослеп.

Матвей. Кто убил сына?

Талбак. Джунгары.

Матвей. А-а! Ну и что же вам нужно
у нас? Ты, помнится, в
прошлый раз обещал убить
воеводу Волынского. Не за
этим ли вернулся?

Талбак. Если бы я пришёл за этим, я
не привёл бы сюда слепого
старика.

Матвей. Тоже верно. Так зачем же
ты тогда пришёл?

Талбак. Нам нужен стрелецкий
сотник Новосильцев.

Матвей. Вот оно как! А зачем вам
стрелецкий сотник
Новосильцев?

Талбак. Я скажу это только ему
одному. Не теряй зря времени,
казак, у нас его слишком мало.

Входит Константин.

Константин. В чём дело, Матвей?
Что тут у вас происходит?

Матвей. Узнаёшь мальчонку?

Константин. Кажется, где-то видел.

Матвей. Это родственник князца
Номчи. Помнишь?

Константин. А, припоминаю, был
такой случай.

Матвей. Побудь-ка с ним,
постереги, а я за
Новосильцевым сбегаю.
Больно шустрый
переговорщик к нам в гости
повадился. Не нравится мне
это. Ой не нравится!

Матвей убегает.

Константин. Зачем снова
пожаловал?

Талбак. Я скажу это только
Новосильцеву.

Константин. Снова, значит, с
посольством прибыл. Да ты,
однако, у нас знатным
толмачом станешь, когда
вырастешь.

Талбак. До «вырастешь» ещё
дожить надо.

Константин. А вот это ты верно
заметил. Времена нынче не
самые пригодные для роста.
Сегодня жив, а завтра... Эх-
хе-хе!.. Никто на завтра уже не
загадывает... А я вот, знаешь
ли, взял да и женился недавно
на татарочке. Ага! Наперекор
всему. Думаю – будь что
будет! Скоро и прибавления в
семье жду.

Талбак. Поздравляю!

Константин. Спаси Бог!.. Дом начал
строить под горой.
Небольшой, но МОЙ домик.
Огородик я там развёл. Ни у
кого ещё нет, а у меня уже
есть. Через год-другой будут у
меня по двору бегать
мальчишки мал-мала меньше.
Репку с грядок дёргать,
морковкой лакомиться...
Думаю яблоньку в огороде
посадить. Мне бы только хоть
махонький росточек яблоньки
с Руси достать, я бы его
выходил, вынянчил, как
ребёночка. Может, даст Бог, и
выросло бы здесь, в этой
адской стуже, деревце
плодородное. Глядишь, и у
меня бы тогда свой яблоневоый
сад у дома был. Я вот что тебе
скажу: приезжай, паря, к нам
лет через пять в гости,
посмотришь, как казаки на
земле жить умеют. Да и
крепость наша к тому времени
будет посильнее нынешней.
Заживём лучше некуда!
Пушки новые на стены

поставим, народ из
московских городков ещё к
нам придёт, расселимся по
округе, размножимся...
Правда, наши-то старые
казаки дальше в поход
собираются. Слышал, поди?

Талбак. Куда это они опять?

Константин. На восход солнца
пойдут. Говорят, там новые
земли лежат богатейшие. И,
главное, ничейные. И зверья
там всякого не сосчитать, и
рыбы! И море синь-синё.
Живи не хочу! И делай что
хочешь. Одно слово –
Беловодье, страна свободы и
вольности! Рай земной да и
только!

Талбак. И ты с ними пойдёшь?

Константин. А вот не знаю. Врать
не буду. И хочется Божий мир
повидать, и семья у меня здесь
теперича, дети опять-таки
пойдут. Тяжело будет одной
бабе без мужика семью
поднимать. Нет, не знаю!
Прямо не знаю, что и делать.
Разрываюсь на две половинки,
а поделать ничего с собой не
могу.

Входят Новосильцев с Матвеем.

Матвей. Вот они.

Новосильцев. Кто вы? И почему
хотели со мной говорить? По
чьему приказу?

Талбак. Я Талбак, брат Ахмарал,
жены князца Номчи.

Новосильцев. Тебя я помню.

Талбак. Это бег Кочебай. А ты кто?

Новосильцев. Я Новосильцев,
стрелецкий сотник.

Талбак. Мы хотели бы говорить с
тобой с глазу на глаз, сотник.

Новосильцев. Да? Ну, что ж...

Оставьте нас, казаки.

Матвей. Хорошо. Мы будем
неподалёку.

Константин и Матвей
уходят. Талбак что-то тихо
говорит Кочебаю, тот отвечает
ему.

Талбак. Бег Кочебай приветствует
тебя, сотник.

Новосильцев. Переведи, что я рад
видеть уважаемого Кочебая,
молва о мудрости которого
идёт по всему краю.

Талбак переводит слова
Новосильцева Кочебаю.
Кочебай что-то тихо говорит
Талбаку.

Талбак. Кочебай говорит – у нас
слишком мало времени,
давайте, сотник, восточные
приветствия оставим на
потом. Мы пришли сказать
тебе, что князец Номчи
подговорил несколько тысяч
кыргызов, мрасских татар и
калмыков на поход против
Томска. Они на днях выступят
против вас.

Новосильцев. Да? Очень интересно.
Очень!.. А почему вы пришли
предупредить меня об этом?

Талбак. Сестра Ахмарал и бег
Кочебай не хотят ссориться с
урусами. Много невинной
крови прольётся с обеих
сторон. Они не хотят новых
смертей.

Новосильцев. А ты?

Талбак. Я думаю, простые люди не
виноваты в ссорах больших
князей.

Новосильцев. И то верно. А что
предлагает мудрый Кочебай?

Талбак. Кочебай говорит, что он
стар и немощен. Его
последнее доброе дело для
кыргызов – приход к вам. Он
хочет, чтобы вы с Номчи
решили всё миром. Люди не
виноваты. Виноваты князцы и
воеводы. Сестра Ахмарал
согласна с ним. Она нас и
послала к вам.

Входит Волынский. Вместе с ним
Матвей и Константин.

Волынский. Что происходит,
сотник? К нам в крепость
приходят кыргызы, а ты даже

в известность меня не
ставишь?

Новосильцев. Ну, во-первых, они
хотели видеть только меня, а
во-вторых...

Волынский. А во-вторых, и в-первых
тоже, воевода пока здесь я.
Это всем понятно? Я
спрашиваю, это всем понятно?

Новосильцев. Понятно, воевода.

Волынский. Вот и хорошо. Теперь
переходим к гостям. А-а, это
ты, удалец!.. Батыр! Я же
предупреждал тебя, чтобы ты
не попадался больше мне на
глаза. Предупреждал?

Новосильцев. Остынь, воевода. Чем
строжиться, лучше спасибо
ему скажи.

Волынский. Что?

Новосильцев. Беда у нас. Князец
Номчи инородцев против нас
поднял.

Волынский. Вот как? А эти что,
пришли нам объявить войну –
мол, идём на вы? Так что ли?

Новосильцев. Талбак и бег Кочебай
по просьбе небезызвестной
тебе Ахмарал, жены князьца
Номчи, пришли предупредить
нас об этом. И просят сделать
всё, чтобы мы помирились с
Номчи.

Волынский. Мириться с таёжным
князцом? С кыргызом? Да
меня в Москве засмеют.
Думские дьяки плевать на
меня будут, юродивые на
улицах пальцами показывать:
вот, мол, идёт воевода, не
сумевший проучить
инородцев. Как смеет Номчи
так вести себя со мной,
русским воеводой! (*Казакам.*)
Взять их!

Казаки не торопятся исполнять
приказание воеводы.

Новосильцев. Ты не дослушал меня,
воевода.

Волынский. Что ещё?

Новосильцев. Номчи не один. С ним
мрасские татары, теленгиты,

калмыки и ещё неизвестно
кто.

Волынский. Да?.. Хм!.. А вот это
уже... Это... Это уже... Кхм!..
Ну и сколько же этот
кыргызский князец Номчи
собрал татар?

Талбак. Пять тысяч воинов.

Волынский. Пять тысяч?

Талбак. Пять.

Волынский. Откуда? Здесь и людей-
то столько нет, сплошные
болота вокруг.

Талбак. Отовсюду. Он подговаривал
племена и народы и со
стороны восхода солнца, и со
стороны его заката. С тёплых
краёв и с холодного края.

Волынский. Не верю. Нет, не верю!
Не может быть их столько. Не
может.

Талбак. Так посчитали своих воинов
Номчи и его союзники. Я
говорю то, что знаю. Может,
их будет даже больше, если
Номчи уговорит кого-нибудь
ещё из князцов пойти с ним.
Но не меньше.

Волынский. А ты не врешь, посол
княгини Ахмарал? Может,
запугать меня хочешь?

Талбак. Зачем? Я у тебя в крепости,
воевода. Я единственный
родной брат Ахмарал, я
пришёл без оружия, и со мной
уважаемый старик слепец. Ты
волен делать со мной и с
бегом Кочебаем всё, что тебе
вздумается. Разве это не залог
того, что мы говорим правду?

Волынский. Хорошо. Я тебе верю.
Верю. Вы свободны, послы
княгини Ахмарал. *(Казакам.)*
Отпустите их на все четыре
стороны.

Новосильцев. Казаки, пусть гости
немного отдохнут, накормите
их и проводите с почётом, но
только незаметно. Нечего
посторонним глазеть на них.
Неизвестно, чьи люди вокруг
крепости бродят. А верные
люди нам всегда и везде
нужны.

Матвей. Проводим. Не беспокойся,
сотник. За крепость проводим
и даже немного дальше.

Новосильцев. Хорошо. *(Талбаку и
Кочебаю.)* Спасибо вам,
друзья! Передайте мой поклон
и благодарность княгине
Ахмарал.

Талбак. Передадим.

Новосильцев. Не обижайтесь за
прошлое. Всякое бывает в
жизни.

Талбак. Наша русская мамка-
полонянка говорила нам с
Ахмарал: «Любите врагов
ваших, благословляйте
проклинающих вас и молитесь
за обижающих вас и гонящих
вас». Это слова из вашей
священной книги.

Новосильцев. Я их знаю.

Талбак. Мы, кыргызы, на казаков
зла не держим. Поторопись,
Новосильцев. Времени ни у
вас, ни у нас нет. До свидания!

Новосильцев. Изен бол!

Талан. Изен бол!

Кочебай. Изен бол, Новосиль!

Матвей. Пойдём, Талбак! У нас в
сторожке отдохнёте. Там вас
никто не увидит.

Казаки уводят Кочебая и Талбака.

Волынский. Пять тысяч! Пять! А нас
всега двести шестьдесят
человек. Они же раздавят нас.
Раздавят! Что делать, сотник?
Что делать?

Новосильцев. Отсиживаться в
крепости бесполезно. Долго
мы в ней не продержимся. А
новые люди из Москвы не
скоро ещё придут.

Волынский. Ну и? Ну?

Новосильцев. Один выход – напасть
на них первыми, пока они ещё
не сколотились в настоящий
отряд. Напасть, рассеять и
усмирить. Номчи по-иному на
мир не пойдёт. Он уважает
только силу. Силу, и ничего
больше.

Волынский. А с кем идти? С нашими
двумя сотнями?

Новосильцев. У тебя, воевода, есть
ещё какие-то люди в запасе?
Волынский. Хорошо, бери сотню
казаков, и – вперёд. Вторая
останется со мной в крепости.
Новосильцев. Побойся Бога,
воевода! Их же пять тысяч,
пять!
Волынский. Ну хорошо! Хорошо!..
Бери две сотни. Бери всё и
всех, но только разбей их,
сотник. Разбей! И не жалея
казаков и стрельцов, не жалея!
Бабы новых мужиков на Руси
нарожают. Нам с тобой,
Новосильцев, надо выжить и
домой живыми вернуться.
Нам, цвету земли расейской!..
Детей вырастить, усадьбы
новые отстроить... Ты разбей
этот сброд, Новосильцев, и
усмири! Разбей и усмири!
Разбей их, сотник!

Акт второй

Картина восьмая

Дом Рожнёвых у подножия крепости
в Томске.

Рожнёва. Господи, когда это только
кончится? Опять соседи
приходили, опять жаловались
на Гришку.

Рожнёв. Что он снова натворил,
варнак?

Рожнёва. По соседским огородам
шастает, вот что! Репу,
капусту дерёт.

Рожнёв. Поймали его на чужих
грядках, што ли?

Рожнёва. Нет, но, говорят, видели,
что это он с оравой таких же
удальцов балует.

Рожнёв. Мало ли что видели. Вы
вначале поймите, потом
говорите. У нас свой
огородище вон какой, чего ему
в чужих-то делать?

Рожнёва. А вот говорят – и всё тут.

Рожнёв. Да что же это такое в
самом-то деле? Своего ему
мало, что ли? Или чужое,
правда, всегда слаще?

Рожнёва. Вот ты с него и спроси. А
то всё только смешком
отделываешься: «вырастет,
сам поймёт, что к чему».
Когда он вырастет, поздно
будет.

Рожнёв. Да вырос он уже, вырос! Я-
то в его возрасте...

Рожнёва. Знаем, слышали. Что с
Гришкой делать будем?

Рожнёв. Пороть предлагаешь?

Рожнёва. Да стыдно уже мужика-то
пороть. Ему жениться впору, а
ты всё – пороть да пороть!
Другого ничего не знаешь?

Рожнёв. Ну не женить же его в
самом-то деле?

Рожнёва. В четырнадцать лет
женить? Да ты в своём ли уме,
старый?

Рожнёв. А делать-то что? Что
делать?

Рожнёва. Ой, я прямо и сама не
знаю, что.

Рожнёв. А всё это у нас оттого, что
один он у нас. Вот было бы
человек пять-шесть мал-мала
меньше, глядишь, некогда бы
было шалопаю дурью-то
заниматься.

Рожнёва. Опять меня винишь? Ну не
дал нам Господь Бог больше
детей, так что с того? Мы с
тобой и с одним-то не можем
справиться, как с оравой
воевали бы?

Рожнёв. Никого я не виню. Так, к
слову пришлось.

Рожнёва. Думаю, пора его, однако, к
службе приучать, а то совсем
разбалуется, научится зелье
пить, по новой московской
дури дьявольский табачище
курить, чего доброго, ещё и с
лихими людьми свяжется. Вон
их сколько нынче на дороге-то
шалют. Иди к атаману, проси
его пособить нашему горю.

Рожнёв. А без атамана никак
нельзя? Не люблю я по
начальству бегать, пыль в
канцелярии шароварами
обтирать.

Рожнёва. Нельзя. Иди, говорю,
проси, чтобы атаман сам с ним

поговорил. Сын он тебе или кто?

Рожнёв. Ладно, схожу. Только ты потом у меня смотри, не плачь по своему Гришеньке, ежели атаман прижмёт его по всем статьям. У нас, у казаков, сама знаешь, по этой части строго.

Рожнёва. Не бойся, не заплачу, сама казачьего рода. Всё перенесу, лишь бы из него человек вырос и хороший казак.

Картина девятая

Изба городского атамана.

Рожнёв. Здорово, господин атаман!

Атаман. Здорово, казак Рожнёв!.. Ну что, Рожнёв, сам пришёл, а я тебя, признаться, собирался с нарочным вызывать.

Рожнёв. Случилось что, али как?

Атаман. Случилось, паря. Жалуются на твоего сына казаки.

Бедокурит много. Ватажку таких же сорванцов сколотил и шалит по огородам.

Вечерами случайных прохожих пугают. Коней у горожан ночью с выпасов угоняют утехи ради. Не дают животине досыта свежей травки поест в ночном. Так, чего доброго, у него и до прямого разбоя дело дойдёт, в тайгу к «серым зипунам» того и гляди подастся. Учти: если Гришку казаки ночью поймают на чужом коне, беда твоему парнишке будет.

Рожнёв. Так я к тебе, атаман, с тем же и пришёл. Совсем от рук отбился малец. Хочу попросить тебя, чтобы ты поговорил с ним, надавил на него малёхо, он, глядишь, и одумается. Мальчонка-то он с головой, лихой казак из него получится со временем, только вот чудить стал с возрастом не в меру. Не покажачьи.

Атаман. В молодости, помнится, и ты не мёд был.

Рожнёв. Так когда это было? Да я и не так вовсе... Мы всё больше к инородцам в их становища бегали, своих, городских, не трогали. Ни-ни! А пока пешедралом вёрст десять отмахаешь до становища, дурь-то, она наполовину и выветрится. Нет, мы другие были. Совсем другие.

Атаман. Поверил бы я тебе, Рожнёв, ежели бы не знал тебя тогда лично.

Рожнёв. Так я и говорю, городских-то мы не трогали. Ведь правда – не трогали, атаман?

Атаман. Не трогали. Но я хочу тебе сказать – хватит мальцу над горожанами измываться. Как ты говоришь? Пока десять вёрст отмахаешь, дурь-то наполовину и выветрится?

Рожнёв. Ну да, так оно и было.

Атаман. Так вот, чтобы она совсем у твоего мальчика выветрилась, езжайте-ка вы с ним на год в Крестинино, что ровно в двадцати верстах от города. Послужите там на казачьей заставе, а через годик, если парень одумается, назад вернётесь.

Рожнёв. Да как же так, атаман? У меня в Томске домик, огород, хозяйство.

Атаман. У тебя жена есть?

Рожнёв. Слава Богу, ещё есть.

Атаман. Вот пусть она и ведёт хозяйство.

Рожнёв. Но как же так, атаман!

Атаман. Я всё сказал. А ежели будешь настырничать, есть и подальше заставы. Ты понял меня, казак Рожнёв?

Рожнёв. Понял. Благодарствую, атаман, за помощь. Премного благодарствую. Можно идти?

Атаман. Иди, Рожнёв. И запомни: ровно год даю на исправление твоего сына. И тебе, и ему ровно год. Учи его уму-разуму по-казачьи, а там посмотрим, что с вами дальше делать.

Картина десятая

Дом Рожнёвых.

Рожнёв. Ну вот, я же говорил – не надо было к атаману ходить. Начальство у нас строгое не в меру, чуть что не так – рубит сплеча, не подумавши. Что ты теперь здесь одна делать будешь? Такой огород, столько работы! Дом, корова, кони, куры...

Рожнёва. Я всё перенесу, лишь бы Гришка человеком стал. Езжайте, служите на заставе, а я к вам в гости буду приезжать каждое воскресенье. Год незаметно пролетит, а там и настоящая казачья служба у сыночка не за горами. Она-то его исправит. А мы – ничего, мы с тобой потерпим.

Рожнёв. Потерпим. Мой прадед здесь первым дом под горой поставил, и огород тоже первым посадил, а меня теперича из своего родного дома в глушь на заставу ссылают. За что?

Рожнёва. За сына. Плохо воспитал. Тебе что атаман сказал? Учить надо было его, учить, когда он ещё поперёк лавки лежал.

Рожнёв. Учить! Сам-то он больно учёный, как я погляжу. Только и знает, что рявкать на казаков, да слабого прижимать.

Рожнёва. Вас не прижимать, так и добра не видать. Собирайся!

Рожнёв. Рада спровадить родного мужа за тридевять земель?

Рожнёва. Не дури! Не первый год замужем, знаю, как с тобой разговоры разговаривать.

Рожнёв. А Гришка где?

Рожнёва. Где Гришка? Где всегда. С ребятами в казаки-разбойники за Ушайкой играет.

Рожнёв. Вот шельма! Таких дел натворил – и хоть бы что! Ну, посмотрим, какой из него казак на заставе будет, разбойник. Посмотрим!

Рожнёва. Вот-вот, посмотри за ним,
да, глядишь, и сам вместе с
ним хоть немного поумнеешь
в тайге.

Рожнёв. А я что, глупый, что ли?

Рожнёва. Не глупый, но был бы
поумнее, не ты к городовому
атаману с прозьбишкой ходил,
а он к тебе.

Рожнёв. Атаман ко мне? Зачем это
ему нужно?

Рожнёва. О Господи!
Действительно, зачем это ему
нужно?

Картина одиннадцатая

Изба на дальней
Крестининой заставе. В избу с
вещами входят Рожнёвы. У
порога крестятся.

Рожнёв. Ну вот, мы и на заставе.
Слава тебе, Господи!
(Крестится.) Как тебе здесь
нравится, сынок?

Григорий. Ничего, жить можно.

Рожнёв. Можно-то можно, но в
своём доме лучше.

Григорий. Знамо дело!

Рожнёв *(вынимает из мешка икону
Николая Угодника, завёрнутую
в полотенце, разворачивает и
ставит её на божничку).*

Помоги нам, Угодник Божий
Николай, заступник казаков.
Сделай наше пребывание
здесь не тяжким и сохрани
наши души и жизни наши в
целости и сохранности.

Аминь! *(Крестится.)*
Помолись, сынок, и ты.

Григорий. Зачем?

Рожнёв. Помолись, говорю! Вера
успокаивает, а молитва
укрепляет и веру, и дух
человеческий.

Григорий нехотя крестится и шепчет
какую-то молитву. Неожиданно
Григорий видит лежащую на
лавке бересту, свёрнутую в
большие рулоны, горшки со
смолой и трут.

Григорий. Что это, тятя?

Рожнёв. Не видишь разве? Берёста,
горючая смола и трут. Всё для
разжигания на вестовой

вышке-сполохе быстрого огня.
Там, наверху, лежит вязанка
сухой соломы для быстрого
разжигания огня, и смола в
бочонке, чтобы всё это крепко
и дымно горело, и чтобы
видно это было аж на
несколько вёрст вокруг. Вот
зажжём мы, для примера
сказать, свой огонь на вышке,
по-нашему – сигнальный маяк,
– на следующей заставе
увидят зарево казаки, и тоже
свой маяк разожгут. Так это до
Томска и добежит разом. Ну, а
там часовые мигом сыграют
тревогу, гарнизон вместе с
горожанами будет
своевременно предупреждён
об опасности, и начнёт
готовиться к самому худшему
– к нападению.

Григорий. И быстро огонь на вышке
разгорается?

Рожнёв. Ну, это всё зависит от
сноровки и от обстановки.
Ежели – опять-таки для
примера – прозевали
супротивника и бой уже
вокруг вышки идёт, тогда
может и долго огонь
разгораться. Отбиваться-то
надо? Надо. А ежели в мирной
обстановке, то бишь, когда
враг ещё далеко, – мгновенно.
По соломе чирк огнём –
загорелась. Горящую солому в
бочонок со смолой – и всё.
Дело-то плёвое.

Григорий. А мне попробовать
можно?

Рожнёв. Что попробовать?

Григорий. Попробовать огонь
разжечь можно?

Рожнёв. Можно, и даже нужно, но
не сейчас. У нас и так дел
многовато на сегодня.
Неспроста нас с тобой сюда
сам атаман привёз. Неспроста.
Инспекцию здесь проводить
будет. А нам, должен сам
понимать, лучше в таких
случаях начальству на глаза не
попадаться. Понял?

Григорий. Понял.

Григорий незаметно для отца берёт
небольшой рулон бересты, трут
и прячет их под рубахой.

Григорий. Я выйду, осмотрюсь, что
здесь и как.

Рожнёв. Выйди, только не
попадайся атаману. Нечего
ему глаза мозолить.

Григорий. Не попадусь.

Григорий уходит. Рожнёв пытается
обустроить довольно скромное
жилище, раскладывая
привезённые с собой вещи и
припасы, одновременно напевая
казачью песню:

Рано утром весной
На редут крепостной
Поднялся пушкарь поседелый:
Брякнул сабли кольцом,
Дёрнул сивым усом
И раздул свой фитиль догорелый.
Он у пушки стоит,
Сам на крепость глядит
Сквозь прозрачные волны тумана.
Вот мелькнул белый флаг
У высоких палат
Удальца-молодца атамана.
Неожиданно на улице
послышался шум, крики: «Что
случилось? Почему тревога?»..
«А пёс его знает, пошто.
Может, татары рядом. Смотри,
дым-то как повалил разом! Вся
вышка уже огнём пылает».
Голос атамана: «Кто дал
команду? Кто поджёг
сполох?»... «Вот он, вот! Лови
его, лови!»... «Пропал куда-
то»... «От нас не уйдёт. Ищите
его, казаки, ищите!»... «Вышку
тушить надоть, а то, не дай Бог,
избы загорятся». «Туши, казаки,
пока ветра нет»... «Воды давай.
Воды!»

Рожнёв. Господи, там тревога, а я
ещё не собравшись.

Схватив саблю, бежит к
двери. В это время в избу
врывается городской атаман.

Атаман. Зачем я вас сюда привёз,
Рожнёв? Зачем, спрашиваю?
Чтобы вы всё здесь с ног на
голову перевернули? Город в
ружьё подняли по ложной

тревоге, да? Людей
насмешили аж до самой
Москвы? Где он? Где, я тебя
спрашиваю? Где этот
паршивец?

Рожнёв. Кто?

Атаман. Сын твой, Гришка.

Рожнёв. Откуда я знаю? Я здесь с
ним был, а он раз и... И вот...
Разве за ним углядишь?

Атаман. Любой казачонок с пелёнок
знает, зачем сигнальный маяк
на вышках. Знает, и зря таких
глупостей творить не будет.
Он что у тебя, совсем глупый?

Рожнёв. Так и Гришка знает. Всё
знает.

Атаман. Сомневаюсь я в этом
сильно. Очень сильно
сомневаюсь, казак Рожнёв.

Рожнёв. А что случилось-то, что?

Атаман. А то, что твой разбойник
прямо на вышке костёр зажёл.
Теперь вышку казаки всем
постом тушат.

Рожнёв. А может, ему что
померещилось?

Атаман. Что? Что может
мерещиться такому шалопаю,
как твой сын?

Рожнёв. Ну не знаю... Татары али
кыргызы.

Атаман. Сам ты, Рожнёв, кыргыз!
Тьфу! Поймать Гришку и
всыпать ему хорошенько
принародно, чтоб впредь
другим неповадно было. Это
приказ, понятно?

Рожнёв. Понятно.

Атаман. Исполнишь – доложишь.
(Уходит.)

Рожнёв. Весело начинаем службу на
заставе. Ой весело!
Посмотрим, что дальше будет?

Слышны крики: «Несут, несут!». Два
казака вносят Григория в дом.
Вместе с ними возвращается и
атаман. Рожнёв бросается к
сыну.

Рожнёв. Что с ним? Что?

Первый казак. Через озеро от нас
поплыл, хотел коротким путём
в тайге спрятаться. Вот и
притоп немного. Вода-то
холоднющая, ключевая. Ноги

враз и свело. А мы на обласке-
то его быстро словили.
Рожнёв. Гриша, сынок, ты жив?
 Ответь отцу – жив?
Первый казак. Да жив он, жив. Воды
 только нахлебался. Ничего,
 она ключевая, полезная.
Второй казак. Не переживай, казак,
 жив будет твой казачонок.
Атаман. Приказ не отменяю.
 Оклемается – выпороть его
 принародно, чтоб другим
 неповадно было.

Картина двенадцатая

 Изба на казачьей заставе.
 На лежанке лежит больной
 Григорий. Рожнёв что-то
 готовит у печи. Григорий
 кашляет.
Рожнёв. Эх, паря, взять бы... веник
 берёзовый, да всыпать тебе
 хорошенько в бане.
Григорий. Возьми и всыпь, если это
 поможет.
Рожнёв. Вот мать приедет, она всё
 решит, что с тобой делать и
 как тебя лечить.
Григорий. Расскажи лучше, тятя,
 как здесь заставы-то
 появились?
Рожнёв. Заставы, говоришь?
Григорий. Ну да. Интересно же.
Рожнёв. Да давненько это было.
 Ещё когда наш прадед
 Константин в Томск с
 первыми казаками из Рассеи
 пришёл. Вот тогда их казаки и
 поставили.
Григорий. Все сразу?
Рожнёв. Да нет, не все. Поначалу
 людей не хватало. С какой
 стороны больше опасности
 было, с той они и ставили
 заставу в первую очередь.
Григорий. Ну ты расскажи, как всё
 было, а то скучно мне одному.
 Тоскливо без человеческого
 голоса. *(Кашляет.)*
Рожнёв подходит к постели сына и
 садится у него в ногах.

Рожнёв. Ну, ежели так, слушай.

Воевали наши казаки тогда против татар и кыргызов. И вот однажды собрались те напасть на Томск цельными пятью тысячами воинов князца Номчи. А наших-то всего в крепости чуть боле двух сотен. Соображаешь?

Григорий. Соображаю.

Рожнёв. Что делать?

Григорий. А что делать?

Рожнёв. Ну, делать-то, в обчем, казакам нечего было, надо было как-то спастись самим и город заодно спасть. Вот тогда и решили казаки и стрельцы первыми на кыргызов напасть, чтобы усмирить их. Отслужили они в церкви службу, как подобает, вышли из крепости, и пошли напрямиком к кыргызам.

Григорий. Две сотни против пяти тысяч?

Рожнёв. Ну да! Две сотни.

Григорий. Не верю. *(Кашляет.)*

Рожнёв. Верь не верь, а твой прадед Константин тоже там был и сам твоему деду потом всё рассказывал. Вот как я тебе сейчас. Тоже мне, Фома неверующий нашёлся!

Григорий. Не обижайся, тятя! Это я так... Ну, рассказывай, что дальше-то было?

Рожнёв. А дальше вот что было.

Встретились наши с кыргызами – а врагов-то, сам понимаешь, целые полчища: и кузнецкие калмыки, и мрасские татары, и кыргызы, – и укрепились тогда казаки палисадником. Ну это вроде как бы жердями от ворогов огородились в чистом поле. Пушкой, пищалями, пиками ошетились. Вот стоят они в палисаднике, а кругом их враги. И врагов этих тысячи и тысячи. А с ними шаманы и колдуны. Бьют всю в бубны, всякую нечисть таёжную на казаков напускают. И простояли так казаки,

обороняясь в осаде, целых
десять недель, пока у них все
запасы хлеба не кончились.
Оголодали маленько казачки.
Чуют – смерть к ним пришла.
И вот решился тогда
стрелецкий сотник Михаил
Новосильцев, помолясь всем
святым, а Николаю Угоднику
особо, пойти с казаками на
страшный риск. Выскочили
они внезапно всей ватагой из-
за палисадника и напали на
врагов. И разбили наголову
пять тысяч кыргызских
воинов, которые вокруг них
стояли.

Григорий. Две сотни разбили пять
тысяч?

Рожнёв. Разбили. И даже многих
знатных инородцев в плен
взяли. Вот так это было,
сынок. И сами себя казаки
спасли, и Томск от разорения
отстояли.

Григорий. А наши заставы тогда
откуда взялись?

Рожнёв. А заставы, как я говорил, и
до того уже были вокруг, а
потом их ещё больше
понаставили, чтобы заранее о
любом нападении инородцев
быстро известие в город
передавать. И костром на
вышке сигналим, и конным
нарочным передаём... Ну, да
ты это и сам теперь знаешь,
как делается.

Григорий. Знаю. Пять тысяч против
двух сотен!.. Да! *(Кашляет.)*

Рожнёв. Говорят, бывало ещё круче.
Бывало, два десятка казаков
разбивали целые сотни врагов
в открытом поле. Ну, об этом
как-нибудь в другой раз
расскажу. Обед готовить надо.

Рожнёв возвращается к стряпне.

Григорий *(вздыхает)*. Хорошо здесь.
И кедровый бор, и озеро
ключевое, и вообще красиво
тут.

Рожнёв. Да, хорошо! Красиво!..
Разве может быть в Сибири
казачья застава без кедра и
чистой родниковой воды? Вот

только купаться тебе в этом озере не надо было.

Григорий. Да я тогда не думал об этом. Бултыхнулся в воду и всё.

Рожнёв. Бултыхнулся!.. Эх, ты, горе моё луковое!.. Знать про опасности человек, может, и не знает напрямую, а остерегаться их всегда должен. Вот теперича лежи, хворай по своей глупости и умней на здоровье.

Григорий. Жарко мне... *(Кашляет.)*
И душно.

Рожнёв. Терпи. Окно открою – сквозняком хватит, совсем худо будет.

Входит Рожнёва.

Рожнёва. А вот и я. Ну, здорово, казаки!

Рожнёв. Здорово, атаманша, коли не шутишь!

Григорий. Здравствуй, мама!

Рожнёва. Что с тобой, сынок?

Быстро подходит к постели больного.

Рожнёв. Ну что-что? Икупался в озере наш сынок, вот что.

Рожнёва. Да я уж наслышана про это купание. Весь город гудит, как пчелиный улей. Только про Гришеньку и говорит. Натворил ты делов, сынок. Ох натворил! Атаман до сих пор злой по городу бегаёт.

Рожнёв. А чего ему злиться? Может, и правда, татары али кыргызы парню померешшились.

Григорий. Да не было никого, тятя. Это я просто так, проверить решил, загорятся с первого раза трут и береста, али нет. Они возьми и пыхни... За ними солома, потом смола, а там и вся вышка полыхнула.

Рожнёва *(Рожнёву)*. А ты где был? Почему не досмотрел?

Рожнёв. Да я и не видел вовсе, как он на вышку залез. Я в избе прибирался. Жить же, поди, нам с ним здесь целый год.

Устроиться по-человечески надо в доме, порядок навести маломальский, пока погода позволяет.

Рожнёва. О Господи! И за какие только грехи навязались вы оба на мою голову? Мне казаки приехали, сказали, я коня запрягла в телегу – и сразу сюда. Думаю, если что – с собой Гришку увезу. Дома быстрее вылечу.

Рожнёв. Так тебе кто-то и позволит его увезти. Атаман приказал здесь быть – значит, пусть здесь и будет.

Рожнёва. А мне твой атаман не указ.

Рожнёв. Указ, да ещё какой!

Рожнёва. Матери всё можно. Так и передай своему атаману, а Гришку я с собой заберу, хочет он того или нет.

Рожнёв. Ну, мы это ещё посмотрим, как ты заберёшь молодого казака со службы!

Рожнёва. Вот и смотрите вдвоём с атаманом. А я сама знаю, что делать со своим больным сыном-малолеткой.

Рожнёв. Я же говорю, не баба – атаманша. Казак в юбке.

Рожнёва. Вот мёд привезла, малину сушёную, травки разные. Подлечимся немного – и домой.

Рожнёва выставляет всё привезённое на стол.

Рожнёв. Давай, лечи сына, лечи! Это можно. И вот, на, стряпай, готовь обед казакам, а я, однако, на службу пойду. А то доложат атаману, что Рожнёв дома отсиживается, за бабьей юбкой прячется, атаман, чего доброго, ещё годик к исправлению Гришке прибавит.

Рожнёва. Иди уж, служи, без тебя управимся, стряпуха.

Рожнёв уходит.

Рожнёва. Ну, как ты, Гриша?
Григорий. Ничего. Слабость только
во всём теле. (*Сдерживает
кашель.*) Знаешь, я почему-то
сегодня утром вспомнил, как
ты мне в детстве песни пела.
Рожнёва. Какие песни?
Григорий. Татарские, чтобы я
быстрее засыпал.
Рожнёва. А-а! Это бабушка меня
научила. Я же по бабушке
татарка.
Григорий. Значит, и во мне
татарская кровь течёт?
Рожнёва. Ну и что? Какое это имеет
значение? Будь человеком, и
тебя люди с любой кровью
уважать будут. Давай, я тебе
спою любимую бабушкину
песню.
Григорий. О чём она?
Рожнёва. О том, что много вокруг
меня воды, но без тебя не могу
я ею напиться. А увижу тебя –
и любая вода хороша для
меня... А ты, и правда, поспи.
Спи, Гриша! Это полезно. А я,
пока ты спишь, лекарство тебе
приготовлю.
Григорий. Хорошо, мама.
Рожнёва укутывает сына одеялом, и
тихонько поёт:
Сарман буйларында куп ярыдэм,
Суларэнда ищеп туймадым,
Айтыр сузьлярэмдэ айтальмыдым
Тогда курьшербесдюс дип уйладым...

Григорий на удивление
очень быстро засыпает, мать,
увидев это, подходит к иконе
Николая Угодника и, встав на
колени, начинает молиться о
здравии сына.

Рожнёва. Господи, Иисусе Христе,
Сыне Божий, помилуй мя
грешную и сына моего,
Григория. Святой Николай
Угодник, покровитель всех
сибирских казаков, помоги
нам. Научите меня,
заступники наши перед
Господом Богом, что делать,
чтобы спасти сына моего, а я
буду молиться Вам со

вниманием и любовью. И не
будет у меня небрежной
молитвы во грех мне и сыну
моему Григорию.

Неожиданно Рожнёва
мягко ложится на пол и
остаётся без движения на
протяжении всей следующей
сцены.

Откуда-то из воздуха
возникает фантастическая
фигура Святого Николая
Угодника с копьём в правой
руке. Концом копья Святой
Николай Угодник касается
Григория.

Святой Николай. Проснись, отрок!
Встань!

Григорий просыпается и встаёт на
лежанке.

Святой Николай. Посмотри на свою
мать.

Григорий. Что с ней?

Святой Николай. Она спит. Ей
снятся удивительные райские
сны, таких она ещё не видела в
своей жизни. Она проснётся,
как только я уйду.

Григорий. Почему она спит?

Святой Николай. Я не хочу, чтобы
при нашем с тобой разговоре
был кто-то ещё. Но я хочу,
чтобы ты видел свою мать,
лежащую перед святой иконой
в мольбе о тебе.

Григорий. Кто ты и что тебе надо?

Святой Николай. Ты разве не узнал
меня?

Григорий. Нет. Но мне кажется, что
ты очень похож на... На
Святого Николая с нашей
иконы. Он, как и ты, с копьём.

Святой Николай. Это я и есть.

Григорий. Я не брежу?

Святой Николай. Нет.

Григорий. Зачем ты здесь, Святой
Николай? Я тебя не звал.

Святой Николай. По молитве твоей
матери. Её любовь к тебе
безгранична, и эта любовь
спасает тебя. Пока спасает.

Григорий. Ты уже знаешь об огне на
вышке?

Святой Николай. Я всё о тебе знаю,
Григорий. Почему ты это
сделал?

Григорий. Не знаю. От тоски,
наверное.

Святой Николай. От чего же у тебя
тоска?

Григорий. А я и сам не знаю от чего.
Иной раз так защемит в груди,
что... И будто кто-то меня
наущает что-то сделать
нехорошее. Изнутри меня
подталкивает. Вот я и утворю
что-нибудь с досады.
Глядишь, немного и
полегчает.

Святой Николай. От того у тебя
тоска, Григорий, что призвал
ты к себе ненароком, по
неопытности житейской,
падших духов, мерзких и
лукавых, жаждущих твоей
погибели и гибели твоих
родителей.

Григорий. Вот оно что. И что же
мне теперь делать? Как
избавиться от них?

Святой Николай. Тебе?

Григорий. Ну да, мне.

Святой Николай. Родителей тебе не
жалко?

Григорий. Жалко, а что я могу с
собой поделать? Я один, а
соблазнов вон сколько много.

Святой Николай. Ну да, что ты
можешь с собой поделать...
Сил тебе молодецких некуда
девать... Ох, молодость,
молодость!.. Ни о ком кроме
себя и думать не хотите...
Молитва матери, полная
любви к тебе, дошла до неба,
но я не знаю, оценишь ли ты
эту любовь сполна?

Григорий. Я люблю маму. Очень! И
я люблю тятю. Они хорошие.

Святой Николай. Знаю. И верю, что
любишь. Родителей надо
любить, почитать и слушаться,
и это зачтётся тебе в своё
время. Если любишь и
жалеешь мать и отца своего,
значит, не всё ещё в тебе

потеряно. Любовь к ближнему спасает людей всегда и везде.

Григорий. А от чего мне спастись, я же ещё такой молодой?

Святой Николай. От пороков, отрок, от пороков. От дурного поведения и скверных дел. От зависти и корыстолюбия. От гордыни. И много, много есть ещё грехов и соблазнов, от которых должен человек бежать, как от огня, в любом возрасте.

Григорий. А я ещё могу спастись от всего этого?

Святой Николай. Надежда никогда не должна покидать тебя, иначе что ты за казак, Григорий?

Григорий. Спаси Бог, ты так говоришь, что я уже чувствую себя лучше, словно бесы уже отошли, исчезли. А то все накинудись на меня, словно я настоящий тать и вор... Зачем ты пришёл ко мне, Святой Николай?

Святой Николай. Хочу испытать тебя.

Григорий. Испытай. Я готов. Всё сделаю, что скажешь.

Святой Николай. Перенеси мою чудотворную икону из Крестининой заставы в Николо-Вознесенскую церковь, что в Семилужках. Много лет назад поставили там казаки первую томскую заставу, обнесли острожною стеною гору у речки Каменки, а на воротной башне образ мой поставили. И молились они столь усердно, что место мне это стало дорого. Хочу там быть в духе своём.

Григорий. Перенесу.

Святой Николай. Пройдёт немногим более ста лет, и эту церковь посетят русские цари Александр и Николай. У моей иконы они будут молиться о лучшей доле для своих подданных. И оба государя, по прошествии лет и многих тяжких испытаний, станут

святыми. И оба встанут рядом со мной перед престолом самого Господа Бога. Если перенесёшь мою икону – и твоё имя не будет забыто людьми, и сам ты чудесным образом исцелишься. И я не покину тебя, я всегда буду рядом с тобой и с твоими потомками. Ты понял, что я сказал?

Григорий. Да. Я сделаю всё, что ты прикажешь, святой Николай. Я верю тебе.

Святой Николай. Я не приказываю, я предлагаю тебе новую жизнь и новую судьбу. Начни всё заново, отрок. У тебя ещё есть время. Целая взрослая жизнь.

Григорий. Я согласен.

Святой Николай. Запомни же сегодняшний день, 7 июля 1702 года, на всю жизнь. Это твой новый день рождения. С Богом, Григорий! *(Осняет Григория крестным знамением.)* С Богом!

Святой Николай исчезает. Сразу же просыпается, встаёт с пола Рожнёва и видит сына, стоящего на постели.

Рожнёва. Что с тобой, Гриша?

Григорий. Мама, я только что видел Святого Николая, покровителя сибирских казаков. Он приходил ко мне.

Рожнёва. Ну видел и видел, ложись в постель. Я тоже сейчас видела всякие сны. О Господи, кажется, я заснула перед иконой! Грех-то какой! *(Крестится.)*

Григорий. Ты не поняла. Я видел Святого Николая, и он сказал, чтобы я его икону, перед которой ты молилась ему за меня, перенёс в Семилужки.

Рожнёва. Перенесёшь. Вот выздоровеешь – и перенесёшь. Ложись, сынок!

Григорий. Нет. Я стану здоровым только тогда, когда перенесу икону. Он так сказал.

Григорий сходит с постели и берёт в руки икону Святого Николая.

Григорий. Пойдём, мама! Я дал слово Святому Николаю. И он зовёт меня. Он смотрит на меня с неба. Он испытывает меня.

Рожнёва. Да ты хоть оденься. На улице прохладно, сынок, а идти далеко. Как бы тебе хуже не было.

Григорий (*останавливается у порога*). Знать про грядущие опасности человек, может, и не знает, а остерегаться их всегда должен... Так отец говорит. Ты права, мама. (*Возвращается в дом.*) Дай мне одежды, и я исполню предначертанное мне. Видит Господь Бог и Святой Николай – я исполню обещанное мною! Исполню.

Картина тринадцатая

Иркутский тракт.

Этапный острог в Семилужках под Томском. Середина марта 1837 года. Двое, закутавшись в грубые долгополые шинели, сидят на нарах. Это старец Фёдор и его случайный товарищ.

Фёдор. И что же, донёс отрок икону до церкви в Семилужках?

Незнакомец. Не только донёс, но и определил на самое почётное место в храме.

Фёдор. Ну и слава ему во веки веков. (*Крестится.*) Аминь!

Незнакомец. Конечно, слава во веки вечные.

Фёдор. А выпороть-то его выпороли?

Незнакомец. Нет. Вначале атаман осерчал, когда узнал про икону, а затем отошёл сердцем, искренне поверил, что это не очередная выдумка мальчишки.

Фёдор. А почему поверил? Ведь так всё странно в этой истории и, по сути, бездоказательно.

Незнакомец. Да не совсем так.
Представляете – на
следующий день мальчишка
проснулся здоровым.
Совершенно здоровым. А в
дальнейшем его словно
подменили: ни слова
бранного, ни поступка худого.
Вырос, переселился в
Семилужки и жил близ
чудотворной иконы
праведником. И так всю
оставшуюся жизнь. Его дом и
сейчас, говорят, ещё цел-
целёхонек.

Фёдор. Да, почти сто тридцать пять
лет прошло, а легенда живёт.
И церковь стоит, и икона в ней
всё так же на почётном месте?

Незнакомец. Всё так и есть. Только
паломников в ней полным-
полно каждый год по весне.
На летнего Николу, восьмого
мая, икону торжественно
поднимают и с крестным
ходом несут в Томск. Такова
уже почти столетняя традиция.

Входит конвойный с
чайником в одной руке и
большим ломтём чёрного хлеба
в другой.

Конвойный. Подъём, босота! Через
пятнадцать минут всем
строиться во дворе. Вот
кипяток, пейте, ешьте. И
шевелитесь, шевелитесь, кому
говорю!

Конвойный ставит на нары большой
медный чайник и кладёт рядом
хлеб.

Незнакомец. А куда торопиться?
Каторга от нас не убежит.

Конвойный. Я тебе покажу, куда!
Так покажу – сахалинская
ссылка раем покажется.
Понял?

Незнакомец. Не пугай, служивый,
пуганые мы.

Конвойный. Не мной пуганые.
*(Неожиданно бьёт Незнакомца
в лицо и тот сразу падает.)* Я
же говорю, не мной пуганые.
Четверть часа вам на всё про

всё. Не успеете – пеняйте на себя. Дисциплину и порядок наводить я умею. Ясно?

Фёдор. Нехорошо это. Вам никто не давал права издеваться над людьми. Никто!

Конвойный. Вот как? Вам, выходит, Ваше Императорское Величество, двадцать плетей за бродяжничество мало показалось? Могу ещё прописать – за непослушание и непонимание своего места в жизни. Хочешь? (Фёдор, опустив голову, молча отходит к упавшему товарищу.) То-то же!

Конвойный уходит. Фёдор поднимает
Незнакомца.

Фёдор. Как вы, любезный
Константин Григорьевич?

Незнакомец. Ничего... (Держится
за скулу.) Мы и похуже видали.

Фёдор. Скотство это. Безобразие!
Не понимаю, как такое могут
делать люди в девятнадцатом
веке?

Незнакомец. Могут. Ещё как могут.
Но ничего, я памятливым.
(Растирает ушибленное
место.) Я всё припомню...
Когда-нибудь.

Фёдор. Зря вы это. Он просто скот,
и не понимает, что творит.

Незнакомец. Всё он понимает, всё!
Это мы с вами, Фёдор
Кузьмич, кое-что не понимаем
в этой жизни, а он всё знает, и
всё очень хорошо понимает.
Потому и позволяет себе и
скотство, и подлость... И
многое другое. Ладно, хватит
о нём. Он этого не стоит. А
почему он вас назвал Ваше
Величество?

Фёдор. Говорят, я похож на
покойного императора
Александра. Не обращайтесь
внимания, Константин
Григорьевич. Всё это пустые
разговоры.

Незнакомец. А вы и правда похожи.

Фёдор. Вы что, видели царя?

Незнакомец. Нет, что вы! Только на портретах.

Фёдор. Жаль! Возможно, ваша судьба сложилась бы иначе.

Незнакомец. Возможно. Вас, оказывается, тоже били плетьюми?

Фёдор. В Красноуфимске, на Урале... Суд был скорый и несправедливый.

Незнакомец. Как и многое в Российской империи, к сожалению. Но ничего, мы их судить будем иначе, по справедливости.

Фёдор. Ни в коем случае, ни в коем случае! Честных и праведных судов на свете не бывает. «Не суди да не судим будешь», – говорил Господь. Суд, даже самый лучший, ни к чему хорошему не приводит. Он развращает судей и озлобляет подсудимых.

Незнакомец. Это всё философия, Фёдор Кузьмич. За всё в этой жизни нужно платить, и ОНИ нам когда-нибудь заплатят сполна за всё, сполна и за всё. *(Фёдор пытается что-то возразить, но Незнакомец не даёт ему этого сделать.)* И не надо со мной спорить по этому вопросу. Это моё убеждение и, если хотите, цель жизни. Вот так-то!.. Так на чём мы давеча с вами остановились, любезнейший Фёдор Кузьмич?

Незнакомец достаёт из заплечного вещевого мешка, лежащего на нарах, чистое полотенце, вышитое петухами. Расстилает его на досках, где только что спали арестанты, и на полотенце ставит чай в холщовой мешочке, жестяную кружку, и на него же перекладывает хлеб.

Фёдор. А, вы всё, наверное, о том нашем разговоре... Да я уже и не помню признаться.

Фёдор достаёт из своего вещевого мешка жестяную кружку и

ставит её рядом с кружкой
товарища.

Незнакомец. А вы припомните. Есть
вещи, которые нельзя
забывать ни при каких
обстоятельствах.

Фёдор. Кажется, я хотел вас
спросить, что ещё
предсказывал Святой
Николай? Да, именно это я и
хотел узнать.

Незнакомец. Святой Николай
говорил, что придут сюда два
российских императора,
Александр и Николай. И что
будут они здесь, в
Семилужках, молиться перед
его иконой.

Фёдор. Так и говорил?

Незнакомец. Молва такая идёт.

Фёдор (*вполголоса*). Странно!
Неужели и Николя повторит
мой путь? На него это так не
похоже. *C'est etrange!*

Незнакомец. Вы о чём это, Фёдор
Кузьмич? (*Сылет заварку в
кружки, наливает в них
кипяток и ломает хлеб на
куски.*)

Фёдор. Так, о своём... Я не первый
раз здесь, а всё равно сердце
тревожится, словно о чём-то
предупреждает. Странно всё
это. Вы не находите,
Константин Григорьевич?

Незнакомец. Не первый раз по этапу
идёте?

Фёдор. Нет, что вы!.. Не первый раз
по этой святой земле хожу, а
вот вашу историю впервые
слышу.

Незнакомец. Видно, я здесь больше
вашего в своё время прошагал.
Я ведь из местных казаков, но
потом женился, переехал, и
долго-долго прожил на юге
России, на родине жены.

Фёдор. Вот оно что.

Незнакомец. Да, такая вот чудесная
история была в моей жизни.
Ну, а вы? Что вы выходили,
путешествуя по нашему
дикому краю? Нашли правду-
матку в Сибири, или что-то
иное искали?

Фёдор. Нет, ничего я не искал
особенного, просто на мир по-
иному хотел взглянуть.
Взглянул – и понял: тяжело
жить русскому человеку в
своей стране. Тяжко!

Незнакомец. Да уж, не сладко. Всю
жизнь ищет гражданин
великой страны, победившей
нашествие двенадцати
языков, счастья, а найти его не
может. Так вот и казаки в своё
время искали и не нашли здесь
сказочную страну Беловодье,
страну, в которой небо с
землёю сходится.

Фёдор. Зато открыли для нас
Сибирь и Аляску. Местные
казаки за это даже золотую
корону на казачье знамя от
царя Михаила Фёдоровича
получили в 1629 году. Она
затем в герб губернии
перекочевала. Кстати,
единственный губернский
герб с царской короной во
всей России. Чай вот из Китая
всё те же казаки в Россию
первыми завезли. Между
прочим, томич Василий
Старков постарался.

Незнакомец. Что толку с того?
Хотя... за чай нашим казакам,
конечно, большое спасибо, –
отменный напиток; а вот с
Аляской и с Сибирью мы и по
сей день, честно говоря, не
знаем что делать. У
государства в центральной
части России нет свободной
земли, а здесь, в Сибири, её...
Бери не хочу. В чём же дело?
Почему не используется дар
Божий?

Фёдор. Не всё так просто, как
кажется нам, сидящим «во
глубине сибирских руд».

Незнакомец. Нам-то да, мы люди
маленькие. А вот что там
думают, в Петербурге?

Фёдор. Там тоже люди. И люди
разные.

Незнакомец. Воры там и
взяточники. Шагу нельзя в
любом департаменте ступить,

чтобы с тебя взятку не
сдёрнули.

Фёдор. Не давайте! Не потакайте
преступникам, и сами не
грешите.

Незнакомец. Как не дашь, когда
дело горит, а деньги вымогает
сам генерал. Не пойдёшь же
на него жаловаться в
полицию?

Фёдор. А вы бы взяли и сходили,
вдруг помогло бы?

Незнакомец. Я и сходил... Теперь
вот с вами по родной Сибири
иду. А рядом с нами воры,
мошенники, убийцы... Тоже,
наверное, когда-то
безгрешными были. Не
родились же они отпетыми
преступниками?

Фёдор. Вот и выходит, что все мы
одним миром мазаны.

Незнакомец. И что делать
прикажете?

Фёдор. Знал бы – давно бы всё
исправил. Пусть пока всё идет
так, как идёт. Ещё, помнится,
своенравный ротмистр Пётр
Яковлевич Чаадаев говаривал:
«Что бы ни готовило нам
будущее, скрестим руки на
груди и будем ждать».
Наверное, это и будет самым
правильным в нашем
положении – ждать. Время
покажет и скажет, что надо
делать, и, главное, кому
делать.

Незнакомец. Нет, уверяю вас,
уважаемый Фёдор Кузьмич,
вы неправы. А уж этот ваш
денди Чаадаев, смотрящий на
Россию через призму западной
цивилизации, тем более.
Вместо его скандального
утверждения, что «истина
дороже родины», я бы
написал: «справедливость
дороже родины».
Справедливость! Без жёсткой
власти и силы, без
французской гильотины у нас
в России, к сожалению, уже не
обойтись. Нет, не обойтись!
Прольётся ещё кровь, ох

прольётся! Найдутся и у нас
свои Дантоны и Робеспьеры.
Фёдор. А затем придёт наш русский
Наполеон Буанопарте?
Незнакомец. Возможно. Вполне
возможно.
Фёдор. Надеюсь, вы помните, чем
всё это кончилось?
Незнакомец. Помню. Я в то время у
атамана Платова служил. А
вы? Где вы служили, если не
секрет?
Фёдор. Мне в те годы... шибко
нездоровилось. Я в той
военной кампании не
участвовал.
Незнакомец. Жаль!.. Славные были
времена! Столько надежд,
столько планов!.. Столько
светлых голов вдруг
появилось в России... Жаль,
очень жаль, что всё кончилось
декабрём.
Фёдор. Кто знал, что всё так
получится? Нелепо и глупо.
C'est bete.
Незнакомец. Да, кто бы знал? Хотя
про грядущие опасности
человек может и не знать
вовсе, а остерегаться их всегда
должен. Мне отец много раз
говорил: соломку под себя
стелить надо на будущее,
соломку. Я всегда старался
следовать доброму совету
родителя, – Царствие ему
Небесное! – но вот один раз не
подстелил, и...
Фёдор. Но ведь это грешно –
свергать власть, данную самим
Господом Богом.
Незнакомец. Грешно жить грешно.
Грех душу губит. C'est le
pèche. Но грех всегда
наказуем, вот что главное.
Может, и народ наш потому
так плохо живёт, что
долготерпелив. Привык жить
во грехе и даже не замечает
этого. А это грешно.
Фёдор. Может быть, вы и правы.
Мне даже порою кажется, что
мы уже изначально рождаемся
грешными и глубоко
больными людьми. Духовно

больными. Сидит в нас с рождения этакий червь ни во что неверия и безмерной любви к самому себе. Не к людям, а именно к себе. Он-то, этот червь, всему виной и есть. Гордыня ему имя.
L'orgueilleil.

Незнакомец. Значит, нужно лечиться от гордыни.
Лечиться от заразы неверия и эгоизма в масштабе всей страны!

Фёдор. Как? Опять гильотиной?

Незнакомец. А хотя бы.

Фёдор. Ну уж нет! Избави нас Господь Бог от этого. Только не внутренняя война между своими. Гражданскую войну Россия не выдержит. Оставьте при себе своё универсальное лекарство, уважаемый Константин Григорьевич. И даже не говорите о нём никому, не искушайте слабых. Пусть им Запад тешится. Французы, итальянцы, англичане, немцы... Только не мы, русские. Это не наше изобретение, и это не наш путь. *(Звонят церковные колокола. Фёдор Кузьмич крестится.)* Звонят колокола, звонят малиновым звоном, как в Москве-матушке. Кто же всё-таки ещё сюда придёт с покаянием и просьбами о прощении и отпущении своих грехов? Кто и когда? Кто?

Незнакомец. Совесть придет, а те, у кого совесть в кубышках захла, об этих местах и вспоминать не будут. Зачем это им?

Фёдор. Но придут же времена, когда и они поймут, что жили несправедно, по-скотски, не похристиански.

Незнакомец. Не знаю. Вся история человечества – это история порабощения и угнетения человека – человеком, народа – народом, государства – государством. И я не знаю, сделает ли кто-нибудь и когда-

нибудь первый шаг к свободе
в нашей стране, или так всё и
останется на веки вечные без
изменения, потому что сын
раба – раб есьмь. А господин,
стоящий над нами, Господом
Богом дан нам раз и навсегда,
каким бы он ни был, что бы он
ни творил мерзкого с людьми
и своей страной.

Фёдор. А вы, случаем, не атеист и
не масон?

Незнакомец. Случаем, нет.

Крещение получил при
рождении, а православное
воспитание – с колыбели.
Заговоры и заговорщиков
терпеть не могу.

Фёдор. Я пошутил, не обижайтесь.
Заговоры я и сам... с
некоторых пор не люблю. Но
сейчас, знаете ли, модно стало
в столицах бравировать
безбожием в душе и
псевдореволюционными
фразами, в основном в кругу
родных и домашней прислуги.

Незнакомец. Я не сторонник этого.

Фёдор. И это хорошо. А я, знаете ли,
в отличие от вас, верю: будут
в России светлые времена,
придут и сюда светлые люди.
И жизнь у них будет совсем
другой. Лучше нашей, богаче,
духовнее. И народ наш будет
чище, образованней. И в
Сибири, кстати, тоже.

Незнакомец. Ещё скажете,
университеты здесь
понастроят.

Фёдор. А почему бы и нет? Чем
здешние поселенцы хуже
европейских жителей?

Незнакомец. Идеалист вы, Фёдор
Кузьмич. Честное слово,
идеалист. Зачем здешним
жителям европейское
образование? Ну, зачем?
Чтобы ещё больше осознавать
своё полное ничтожество
перед сильными мира сего?
Знаете ли, это жестоко по
отношению к слабым и
бедным людям. Жестоко!
Показать им красивую жизнь

на далёком горизонте и не
указать дорогу к ней... Не по-
человечески это. Нет, не по-
человечески.

Фёдор. Вы не поняли меня,
Константин Григорьевич.
Образование и нравственность
народам нужны, чтобы они
были просто людьми,
обыкновенными людьми, а не
серым скотом в этом мире.
Что, на мой взгляд, гораздо
важнее любой красивой, но по
существу ничтожной светской
жизни. Люди должны быть
сосудом Господним, а не
пустой посудиною из-под
французского шампанского.

Вдалеке звучит духовой оркестр,
играющий военный марш.

Фёдор. Что это?

Незнакомец. Наверное, местные
купчишки развлекаются.
Новые хозяева жизни гуляют
на природе. Цвет земли
русской.

Фёдор. Новые хозяева жизни?

Незнакомец. Ну да, так они себя
теперь называют. По-вашему,
это просто самые настоящие
пустые бутылки из-под
дешёвой мадеры, не люди.

Фёдор. А оркестр откуда?

Незнакомец. С собой из Томска
привезли. У военных наняли.
Гулять – так уж гулять под
музыку! А вечером вместо
святой молитвы снова умчатся
в Томск, на всю ночь, к
продажным девкам на Болото.
Так уж у них заведено, у
богатых.

Входит конвойный.

Конвойный. А ну, арестанты и
бродяги беспачпортные,
родства не помнящие, выходи
строиться!

Арестанты, так и не попившие чаю,
встают, и на них начинают
громко звенеть ножные
кандалы. Они молча надевают

арестантские шапочки без
козырьков, выливают чай в
чайник и прячут в вещевые
мешки кружки и хлеб.

Конвойный. Разболтались,
понимаешь, о свободе,
размечтались о несбыточном.
Вы вначале кандалами до
Байкала-батюшки погремите,
узнайте, почём фунт лиха в
Сибири, потом и о воле
рассуждать будете и других
осуждать, которые удачливее
вас. Пошли вон отсюда,
беспачпортные, безродные!
Ночлег кончился. Ну, живее
вставайте с нар! Живее!

Арестанты молча уходят,
и тут же на их месте чудесным
образом появляется Святой
Николай с копьём в руке,
который осеняет уходящих
крестным знаменем.

Святой Николай. Жизнь будет в
России хорошая. Будет! Надо
только наши напасти
пережить. И нынешние, и
грядущие. И не озлобиться, не
очерстветь душой, и тогда мы
всем миром победим зло.
Победим извечного врага
нашего, антихриста и слуг его.
И вера наша православная
победит, и дух наш окрепнет,
и души наши очистятся от
скверны вселенской. И будет
Христос сиять на небе. И
Россия будет третьим Римом.
И большой Томск будет стоять
во веки вечные, и маленькие
Семилужки никуда не
исчезнут. А я буду молиться за
всех россиян перед Господом
Богом, и помогать казакам
строить новую жизнь в
Сибири. Я с казаками пришёл
сюда, в Сибирь, и я буду с
ними на веки вечные. И всё у
нас наладится. И всё будет
хорошо. Надо только верить и
трудиться во имя веры. Верить
и трудиться. Верить и ждать.
(В свете прожектора

появляются все действующие лица пьесы.) Господи, Иисусе Христе, Сыне Божий, буди милостив нам, грешным. Спаси и вразуми. Аминь!

Святой Николай крестит зрителей. Музыка звучит всё сильнее и сильнее. А вместе с бравурной музыкой всё сильнее звучат кандалы каторжников, идущих на восток.

Конец

Песни казака Матвея:

1. *Появился в Сибири
Славный крепкий казак,
Славный крепкий казак,
По прозванию Ермак.
Уж как этот казак-то
Он повсюду всех бил,
Он повсюду всех бил
И Сибирь покорил.
Покоривши Сибирь-то,
Челобитну к Царю
Он с послами послал.
Гой, надежда, ли ты же,
Православный наш Царь!
Не вели ты казнить,
Вели речь говорить:
Уж как я-то Ермак ли,
Я винюсь пред тобой.
За вину-то я шлю
В дар Сибири землю.*

2. *– Ну, ребята, за работу!
Челноки спускайте в воду,
Забивайте кочета,
Закладайте весельца.
Мы нагрянем, братцы, с гиком
На Чусовую реку,
Баранчей пройдем, Тагилом,
Попадём и в Епанчу.
Там царя, князька Кучума,
Мы в полон к себе возьмём:
Не откупится дарами, –
Его царство заберём.*

Татарская песня «Сарман»

*Сарман буйларында куп ярыдэм,
Суларэнда ищеп туймадым,
Айтыр сузьлярэмдэ айтальмыдым
Тогда курьербесдюс дип
уйладым...*

*Сарман су буйларын мин буйладым,
Буйлаганда сине да уйладым;
Киткан чакларында кул бирмэдем,
Тагын кайтырсын дип уйладым...
Сарман буйларында каенлык бар,
Каен арасында ташлар бар.
Онытыла диеп эйтсэлэр дэ,
Онытымый шул ул яр бутэн...*